

АЗБУКА ВЕРЫ

А. Н.

Смерти нет!

Смерти нет!

А. Н.

Предлагаемый любезному читателю апологетический труд о бессмертии души и загробной жизни¹ впервые был напечатан в «Сергиевских Листках» в 1930-31 гг. как скромный труд бывшего студента Богословского Института в Париже и печатался, согласно существовавшему тогда обычаю, в «Сергиевских Листках», без обозначения имени автора. Уже в то время статья имела успех, и раздавались голоса в пользу выпуска ее отдельным изданием, что было совершенно невозможно из-за недостатка средств в Братстве².

Спустя несколько лет Берлинское издательство «За Церковь» выпустило тот же очерк отдельной книжкой, также без обозначения имени автора. Это **второе** издание разошлось очень быстро, но далеко не все желавшие иметь эту книжку были удовлетворены.

В 1939 году Сергиевское Братство выпустило, с согласия автора, эту полезную книжку **третьим** изданием, с инициалами автора «А.Н.», но и это, немного дополненное, издание вскоре было исчерпано.

В 1946 году издательство «Милосердный Самарянин» в Мюнхене перепечатало 2-е издание, включая обложку, и таким образом эта книга вышла **четвертым** изданием, тоже без обозначения имени автора.

Наконец, наше Издательство, с разрешения автора, преследующего не свои личные цели, а попечение о человеческих душах, издало книжку с благотворительной целью большим популярным тиражом для «Ди-Пи»³, людей, прибывших к нам из-за «железного занавеса».

Сначала мы поместили труд «Смерти нет!» в двух журналах общим тиражом около четырех тысяч экземпляров, а затем выпустили на средства Издательства «Жизнь с Богом» отдельной книжкой крупным тиражом для раздачи среди «Ди-Пи» и нуждающимся.

Выпуская теперь **восьмым** изданием книгу «Смерти нет», дополненную Послесловием, издательство «Христианская Жизнь» надеется, что эта книга возбудит прежний интерес среди людей, дорожающих вопросами духовной жизни, а особенно среди тех, кто серьезно начинает вглядываться в неизменно приближающуюся

роковую черту, за которой открывается «неизвестная даль». Эта даль не столь, однако, неизвестна, если отбросить всякую философию «мудрецов мира сего, мыслящих по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол.2:8), и не столь страшна, если мы живем или пытаемся жить в лоне Православной Церкви.

Те же, кто потерял своих близких, могут найти в этой книге сильные слова утешения в их скорби, слова, основанные не на пустых человеческих догадках, а на непреложных свидетельствах Самого Спасителя нашего и Его Св. Церкви, в лице Ее великих святителей и святых, а также и на подлинно православной богословской науке.

Мы надеемся, что все, кто может, а особенно архипастыри и пастыри Христовой Православной Церкви, окажут содействие возможно широкому распространению этого полезного труда.

В этом же 1956 году будет издана новая книга того же автора, ставшего из скромного студента-богослова выдающимся архипастырем, управляющим обширной епархией. Книга эта называется «Источник бессмертия»⁴.

*Жизнь земная — отраженье,
Полузвук и полусвет;
Смерть есть к жизни приближенье,
К жизни той, где смерти нет!*
Ратгауз

I. Обличение неверия в загробную жизнь

Как часто в наше время раздаются голоса, что жизни за гробом нет, что мир потусторонний — выдумка, что для человека все кончается смертью. Кто говорит это? Да, к сожалению, многие из так называемых «людей образованных», которые сознательно или бессознательно содействуют пропаганде воинствующих безбожников — антихристов, которые, отвергнувшись от Христа — Начальника жизни и смерти, тем самым стали на сторону дьявола — начальника смерти духовной.

На чем же основано у них такое мнение? Грустно и стыдно отвечать, а надо: на отсутствии *опыта*, на котором только и основывает свои знания рассудок, и на недостаточности религиозного образования,

даже на полном религиозном невежестве: ни знаний нет у таких людей, ни духовного опыта, никто из них не потрудился даже познакомиться (не говорим уже — изучить) и вдуматься в творения и жизнь великих наших подвижников, а сердце их — гордо отрицающих все, что не поддается рассудку, — глухо и слепо к красоте и величию Божьего мира, чтобы созерцание этой красоты — их, как св. великомученицу Варвару, — привело к познанию Творца вселенной. Они, люди эти, верят лишь тому, что признает их разум, что познают наши лишь жалкие пять чувств; люди эти не хотят знать о жизни духа, лучшей и высшей части человеческой природы. Книг, отрицающих их жалкие, однобокие понятия, они читать не желают, говорят с чужого голоса, злословят то, чего сами не изучали. Ведь, чтобы приготовить какое-либо кушанье или сшить сапоги, и то надо предварительно поучиться, а легко рассуждать о вере берется всякий, кому только пришла охота пофилософствовать, и даже не задается вопросом — честно ли так авторитетно рассуждать о том и отрицать то (мы уже не говорим о диавольских насмешках), о чем ты и понятия не имеешь? Особенно любят неверующие свои рассуждения подкреплять тем бесстыдным и совершенно ложным утверждением, будто все настоящие ученые не веруют в Бога. На эту удочку они поймали и ловят до сего времени многих простецов. А между тем, какая это неправда. Мы потом в беседе этой словами самих ученых докажем, как ложно обвинение это, возводимое на них атеистами.

Можно всю жизнь прожить без Христа и без христианского учения, можно не верить в христианское учение, можно без Христа сделать свою жизнь легкой и приятной; но нельзя без Него пройти мрачную долину смерти и еще менее — чрез Страшный Суд. Неверие старается скрыть это и от себя, и от других, выставляя свои, якобы, убеждения, что «там», на «том свете», не может быть ничего страшного, вроде «ада» и «вечного мучения»... Но, если можно скрыть от людей свой страх и свое опасение пред вратами смерти и будущей жизни, то это еще не значит уничтожить, а тем более доказать, что ни ада, ни вечных мучений не существует. У более откровенных и честных из неверующих бывают такие часы и минуты, когда они свободно раскрывают перед людьми борьбу и скорбь своего сердца... Из сердца и совести многих тысяч неверов нередко

вырывается восклицание: «а что, если то правда, что говорит Евангелие?», и это боязливое восклицание мы слышим в их шумном веселии и в их насмешках и глумлениях над религией, и в их убежденных речах неверия. На все это можно сказать только одно: да, Евангелие говорит правду, в нем заключается Божественная истина, о которой говорит Иисус Христос: «Мое учение не Мое, но посланного Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении — от Бога ли оно».

Нужно заметить вообще, что в предметах веры безопаснее меньше участвовать и больше верить: смиренное признание своего невежества иногда лучше знания. Пытливость человеческого ума с его гордыми притязаниями на «разоблачение» тайн веры, собственно, страшна не для небесной истины, ибо она лучше всякого мудрования, а для тех, которые злоупотребляют разумом. Восставать против небесного учения сомнениями и прекословиями — значит метать стрелы в небо: небо не страшится от них ран и поражений и не имеет нужды отражать их: они опасны для тех только, которые пускают их над своими головами...

Заметьте — неверующие всегда желают умереть внезапно, вернее, избежать смерти через смерть бессознательную. Такое желание — или ощущение ужаса, или ощущение тупого отчаяния, скрытого под маской равнодушия. Во всяком случае, такая смерть есть результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна, радостна смерть истинно верующих христиан (вчитайтесь и вдумайтесь, как умирали наши праведники!), настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения.

Лев Толстой, например, создал свою особую веру, и ему пришлось на 82-м году жизни предстать самому со своей верой пред лицом смерти, и умер он... жестоко и трагично. Это потому, что религия, которую он создал, была непрочная, призрачная религия. Она была лишь временной формой его успокоения. Он и перед смертью все еще искал Бога, не будучи доволен в глубине души своей религией. Несомненно, что в последние годы он упорно думал о смерти, но... почвы под собой перед этой надвигающейся на него смертью он не чувствовал. Непрочность его религиозного мировоззрения была

характернейшим свойством его рационалистической философии. Так, например, за два дня до ухода своего из Ясной Поляны, т.е. 26 октября 1910 г., в письме своем Черткову, высказывая свои воззрения на настоящую и будущую жизнь, прибавляет: «иногда это мне кажется верным, а иногда кажется чепухой».

Толстой 30 лет трудился над созданием своего религиозного мирозерцания, изучал Конфуция, Сократа, Зороастра, Марка Аврелия и... совсем не знал нашей святоотеческой литературы — целого ряда великих мыслителей, не имел понятия, что была за книга «Добротолюбие», что за философы были св. Исаак Сирий, св. Ефрем Сирий, св. Авва Дорофей и другие, создавшие наших русских святых.

Гордость мешала Толстому открыто признать свои заблуждения, так сказать, покаяться всенародно, но в тайниках своей души он сам не был уверен в том, что писал о Христе и религии, только мужества не хватило сознаться в этом пред лицом всего мира. Учение свое, в котором Толстой называет веру в Св. Таинства «лжеучением», он решил обнародовать в 1897 году, с целью дать «полезное людям», а между тем, в 1904 г., после этого издания, когда умирал его брат Сергей и в предсмертные минуты решил приобщиться, то Толстой, неожиданно для всех, выразил самое горячее сочувствие этому решению и сам хлопотал о приведении этого решения в исполнение.

Перед смертью он бежит не к толстовцам, а к своей сестре — монахине, имея целью «близ нее пожить», и не едет туда прямо, а заезжает в Оптину Пустынь. Зачем? — с целью повидаться с оптинскими старцами. Но тут, в Оптиной, происходит нечто жестокое для Толстого: его к старцу не пускает противящаяся этому порыву более могущественная сила, которую «своими человеческими силами» он не мог победить всю свою жизнь. Сила эта — собственная гордость Толстого. Толстой идет к скиту, подходит к наружным дверям кельи старца, стоит перед дверьми, но не входит, поворачивает назад...

Темна и мучительна была смерть Толстого. Он был духовно одинок, несмотря на то, что толстовцы окружили его попечениями, и когда уж очень приставали с этими попечениями и спрашивали, чего ему хочется, он отвечал: «мне хочется, чтобы никто мне не надоедал»...

По словам сестры Льва Николаевича — «от него слышали в последние дни слова: «что мне делать. Боже мой, что мне делать? Руки его были сложены, как на молитву»...

Смерть Толстого была длительная, при полном сознании, — смерть философа, не обретшего успокоения в своей философии, и при том, что всего мучительнее, — философа, находившегося под надзором своих учеников, слепых в своем рабском поклонении его заблуждениям.

Религия Толстого, поставленная перед лицом смерти, не дала ему успокоения; последние дни Толстого были днями мятущегося человека, «не знающего, что ему делать».

Теперь послушаем о другом «властителе дум» — Гейне. Он известен как неверующий и насмешник, для которого не было ничего святого: яд, который он вливает в сердца незрелых юношей, был бы менее вредоносен, если бы читатели Гейне знали о происшедшей перемене в убеждениях поэта в последние годы его жизни. Гейне заражал и заражает читателей не только религиозным вольномышлением, но и циническими остротами о половых отношениях.

Между тем в параграфе 7-м своего завещания он пишет: «Четыре года уже прошло, как я отбросил всякую философскую гордость и вновь пришел к религиозным идеям. Я умираю с верою в вечного Бога, Творца мира, и призываю Его милосердие на свою вечную душу. Я скорблю, что непочтительно отзывался о святых предметах, но я к этому увлечен был не столько внутренним расположением, сколько духом времени. За то, что я почти бессознательно оскорблял добрые нравы и целомудрие, Боже, прошу Тебя простить меня». Об этом параграфе завещания умалчивают заграничные и русские издатели сочинений Гейне. Им, ради корыстных и партийных целей, надо сохранить за Гейне репутацию невера и циника, ибо это не переносит его в лагерь «консерваторов» и увеличивает спрос на его сочинения.

Но возвратимся к нашей нечуткости, к нашему индифферентизму. У нас, хотя бы в толще Зарубежной России, царит безграничное невежество в области богословско-религиозного знания; даже есть много интеллигентов, которые наивно хвалятся этим крупным пробелом своего образования. Люди, легко относящиеся к вере,

никогда не читали наших первоисточников; немало людей, которые никогда даже не читали Св. Евангелия; не будем даже говорить о том, что они никогда не пробовали жить жизнью духа, т. е. путем опыта познать наше христианское учение.

Неверы упорны в своем отрицании, но ведь нельзя не видеть, что религиозная истина по самой своей природе допускает не рассудочный, а только опытный путь ее усвоения, — и все-таки не делают никакой честной попытки идти к своей цели по пути *опыта*. Неверующие всегда признают знанием только то знание, которое опирается на опыт, на факты, и если бы кто сказал им, что совсем не верит в выводы химии или физики, то, несомненно, они такому ответили бы, что в химии или физике, конечно, ничего не изменится от их неверия, вызванного *незнанием*, что скептик никогда не изучал опытным путем химии и физики.

Физический мир познается физическими опытами, а духовный мир — опытами духовными, а потому, кто позволяет себе судить о христианстве от имени *разума*, без *личных опытов* в области христианской, тот идет не путем разума, сколько бы он ни ссылался на разум, а действует, мягко выражаясь, как глупый.

Пора понять, что и в религиозном знании, как и везде, разум должен обратиться к обычному для него *опытному* пути знания, вне которого он теряет свою правоспособность и осужден на совершенное бессилие. Необходимо обратиться к изучению богословской литературы для ознакомления с учением христианства не из вторых и третьих рук, без посредства Ренана и Толстого, и не относиться с презрительным невежеством к книгам людей, многие годы своей жизни проводивших в служении Богу, очищая и просветляя свой дух, и находивших в этом радость и смысл, и цель своей богатой духовным опытом жизни.

В нашей интеллигенции, невежественной в богословии, отсутствует, кроме того, чувство *греха* настолько, что слово «грех» звучит для интеллигентского уха почти так же далеко и чуждо, как «смирение». Вся сила греха, его влияние на всю человеческую жизнь, — все это остается вне поля сознания интеллигенции, находящейся как бы в религиозном детстве. Покаянное настроение духа должно неизменно сопутствовать человеку во всех стадиях его духовного развития, и

если нет его, то человек стоит на ложном и опасном пути и далек от спасения.

Убедиться в Божественном происхождении Священного Писания можно одним средством: надо слушаться этого учения, жить по его правилам, отведать и вкусить этого учения на опыте, тогда убедишься, что оно не простое, а Божественное; тогда узнаешь, как совершен закон Господень и какая отрада в нем для души. Скажет, быть может, кто: «я тогда стану жить по учению Св. Писания, когда вполне уверюсь, что оно, точно, Божественное»; — но возможно ли так увериться? Если бы вам предложили известную пищу и сказали, что эта пища самая вкусная и здоровая, то, не отведав ее, узнали бы вы, что она действительно вкусна и здорова? Вспоминаются слова одного старца, к которому однажды пришел некто и заявил: «Бога нет!» Старец тихо и смиренно ответил: «А куда же Он девался? До тебя все был, а теперь уже Его нет!»... В простоте слов старца заключен такой глубокий, ясный ответ, что трудно придумать еще другое что-либо, столь ясное и основательное. Надо помнить: без меня — спасти меня нельзя! Надо, чтобы ты сам пожелал заняться очищением твоего сердца, и тогда начнет в тебе господствовать дух, а не тело. Чтобы дать господство духу, надо побороть то, что ослабляет дух.

Путь Богопознания — во внутреннем, *духовном опыте*. И люди, отдавшие всю жизнь свою на точное исполнение завета Христова, — здесь еще, на земле, вкушали радость небожителей, невидимый мир для них был реален, близок так же, как земной, они поднимались на такие вершины духа, что им повиновались силы природы.

II. Голос ученых о Боге, душе и бессмертии

Ведь среди авторов богословских творений были не только простецы-пустынники, а и люди глубоко образованные, даже философы, обладавшие сведениями по всем отраслям знания и обладавшие ими в такой полноте, которая нам, теперешним интеллигентам, и не снилась. Для примера укажем хоть на одного из них — св. Василия Великого. Он изучал науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время цвет ума и таланта. Изучил он ораторское искусство, астрономию, философию, физику, медицину,

естественные науки. Был красой и гордостью своих профессоров. Но все светские знания не могли насытить его ума, искавшего нечто высшее, — небесного озарения, и по окончании курса он отправился в те страны, где жили христианские подвижники, и где бы он мог вполне ознакомиться с истинно христианской наукой. Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений, прилежно и долго изучал их...

Возвратясь в Афины, он захотел увидеть своего любимого профессора, который был язычником, чтобы обратить его в христианство (что ему потом и удалось) и тем заплатить ему за все доброе, полученное от него. Долго искал его и, наконец, нашел у городской стены, где по обычаю того времени профессор рассуждал с другими философами о каком-то важном предмете, и никак не могли решить некий замысловатый вопрос. Набросив плащ на лицо, св. Василий прислушивается к спору; потом, оставаясь неузнанным, вступает в разговор, блестяще решает затруднявший всех вопрос и, с своей стороны, задает вопрос своему учителю. Все недоумевают, кто бы мог так отвечать, так возражать знаменитому философу, а учитель говорит: «Это или какой либо бог, или Василий!», т. е. он хотел сказать, что св. Василий имел разум, превосходивший обычную человеческую мерку ума и в этом отношении приближался к богам. И сочинения таких-то людей находятся в презрении!..

Неверующие гордо заявляют, что разум не признает сверхчувственного мира, потусторонней жизни, но они забыли, что мудрейший из смертных — Сократ — признавал, что все, что человек знает и что может знать, — ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. И это признание Сократа в немощи человеческого ума имеет всю силу убеждения, потому что мудрец приобрел это сознание опытом целой жизни, посвященной исканию истины. До него философия занималась почти исключительно созерцанием внешней природы, не обращая внимания на мир нравственный. Сократ открывает этот мир, оставляет внешнюю природу, в основание всей мудрости полагает *самосознание* и в глубине человеческой души находит свидетельство о Боге. Он веровал в Бога Единого, Невидимого, Творца и Промыслителя мира. Бог, по учению Сократа,

есть Устроитель и Виновник всего. Он один мудр, и пред Его премудростью человеческая мудрость малоценна и даже ничтожна. Язычнику, воспитанному в своей чувственной религии, трудно было возвыситься до идеи о Боге Невидимом.

«Да, ты не видишь своей души, — говорил Сократ, — которая, однако, господствует над твоим телом, следовательно, можешь сказать, что в тебе нет и ума, что все ты делаешь случайно. Ясно, что душа царствует в нашем теле, но она невидима. Знай, что невозможно видеть лицо Бога, довольно с тебя видеть дела Его, чтобы поклоняться им и чтить их. Тот, Кто устроил и объемлет весь мир, в Ком вся красота и благо, созерцается в Своих великих делах, но невидим в Своем домостроительстве. Подумай, что и солнце, которое кажется для всех видимым, не позволяет, однако же, пристально смотреть на себя, и если бы кто с наглостью устремил на него глаза — потерял бы зрение».

Такое Божество, возражали Сократу, так высоко и величественно, что не имеет никакой нужды в человеческом поклонении.

«Так что же? — отвечал мудрец. — Чем выше То существо, Которое удостаивает тебя приносить Ему поклонение, тем усерднее ты Его должен чтить. Бог, хотя и невидим, — продолжал он, — печется о людях, видит все в мире и все объемлет Своим промыслом».

Последнюю мысль Сократ раскрывал с особенной силой и любовью: «Ты согласен, — говорил он, — что твой ум, живя в твоём теле, управляет им, как хочет: должен согласиться и на то, что Ум, живущий во всем, — все устрояет так, как Ему угодно. И твоё око может простираться на много стадий: а око Божие будто не может обнять все одним взором? И твоё око может обтекать мыслью и здешние места, и страны Египетские, и Сицилийские — неужели же Божья мысль не в силах обнимать все существующее?»

Высокое мнение имеет Сократ о человеческой душе, возвышает её над всем видимым и временным и, вместо безотрадного и безжизненного бытия в царстве теней, возвещает жизнь бессмертную и лучше настоящей, в союзе с Божеством благим, не таковым, каковы боги, признаваемые языческой религией. «Человеческая душа, — говорит он, — более, чем все другое человеческое, причастна Божеству. Она видимо управляет телом, хотя сама невидима. Посему

человек мыслящий не должен презирать невидимое, но, изучая его силу из действий, чтить в душе Божественное».

Самопознание открыло Сократу, что душа по природе есть существо, причастное Божественному естеству. Предсмертные речи Сократа проникнуты верой в бессмертие и во всеблагое Божество, хотя философ по привычке или по иной причине и говорит об этом Божестве языком многобожника: «Если бы я не думал, что пойду к иным богам, мудрым и благим, и к отшедшим людям, которые лучше здешних, — то, конечно, я был бы не прав, равнодушно смотря на смерть. Но теперь знайте, что я надеюсь увидеться с добрыми людьми, хотя этого и не могу доказать решительно; но что я предстану пред могущественными богами, всеблагими, — будьте уверены; это я могу доказать решительнее, нежели что другое, посему я не скорблю, но уверен, что умершие существуют и что добрым там гораздо лучше, чем злым».

Прочитанным легко опровергается ходячее мнение многих, что будто ученые и образованные люди не верят в Бога и бессмертие души. Следя постепенно от древних веков до наших дней, — справедливы ли слова воинствующего атеизма, что образование и ум отвергают веру в Бога и потусторонний мир? Приведем сначала мнение другого язычника — философа Платона; язычника, говорим, и, быть может, неверующие или маловерующие христиане — устыдятся!

Слово Платона остается последним и заключительным словом древней философии и древнего мира о будущей жизни человека. «Душа человека бессмертна, — говорит Платон, — все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. Истинный мудрец желает смерти, как начала истинной жизни. Потустороннее — предмет его созерцания, всех его помыслов. В том только мире открывается истинная сущность вещей. Здешний мир сам по себе не имеет никакой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отобраз, подобие». В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к господству над всеми чувственными ограничениями.

Из туманной дали веков звучат нам эти голоса... Но возьмем другие книги, другое время: прислушаемся к голосу человека, более близкого к нам по времени; человек этот — великий Гёте. Вот его

слова: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому что твердо убежден, что наш дух есть существо, природа которого остается неразрушимой и непрерывно, вечно будет действовать; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного сна, а на самом деле никогда не заходит».

Математик Коней говорил: «Я христианин, я верую, что Иисус Христос был Бог, сошедший на землю; верую, как Тихо де Браге, Коперник, Ньютон, Паскаль, Лейбниц, как все великие астрономы, физики и математики. Во всем христианском вероучении я ничего не вижу, что сбивало бы с толку мою голову, было бы ей вредно. Напротив, без этого святого дара веры, без знания о том, на что мне надеяться и что ожидает меня в будущем, душа моя в неуверенности и беспокойстве металась бы от одной вещи к другой, и эта тревога души и неуверенность в мыслях есть то, что нередко производит отвращение к жизни и может в конце концов повести к самоубийству».

«На наших глазах, — пишет французский историк Тэн, — и на виду истории, совершается превращение образованных людей и целых классов — в зверей там, где христианская вера забывается. Христианство — это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченных кругозоров. Всегда и повсюду, в течение 19 веков, как скоро эти крылья слабеют или их разбивают, общественная нравственность понижается».

«Религиозное обучение, по-моему, — говорит Виктор Гюго, — в настоящее время более необходимо, чем когда-либо. Чем больше человек растет, тем более он должен веровать. Несчастье и, можно сказать, главнейшее несчастье нашего времени, составляет стремление все ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни».

Материализм говорит: то, что мы называем духом, душой, мыслью и т. д., — есть произведение мозга; от свойства мозга зависит и свойство мысли; душа есть функция телесного организма. Фохт, например, говорит: «Пусть покажут нам душу». В таком случае мы можем сказать подобным вопросителям: «Пусть покажут они нам

свой ум!»

Так как под микроскопом нельзя рассмотреть никакого духа, то будто бы его не существует и совсем. Но разве мир микроскопа и есть весь мир? Разве не существует привязанности, верности, сыновней любви, дружбы среди людей, никакой душевности и т. д. только потому, что анатом со своим ножом не находит в человеческом теле никакого следа этих невещественных величин? Материализм исходит из чувственного восприятия и потому все, что называем духом и т. п., — есть деятельность материи. Но оба эти положения — только легкомысленные утверждения.

Почему, например, в преклонном возрасте, часто даже при смерти, когда мозг, следовательно, совершенно сморщен и уже начинает отказываться от исполнения своего назначения, — могут иметь место поразительнейшие проявления духа, и последним словам умирающего придавалось во все времена особенно важное значение? Это наглядно показывает, что душа не есть просто функция мозга. Конечно, мозг есть орган мышления, орудие духа. Но всякий инструмент требует играющего на нем, иначе он будет нем, хотя бы в его струнах и заключались все звуки. Материализм смешивает необходимые условия действительности с причиной ее.

Материалистам можно напомнить глубокую мысль Иннокентия, архиепископа Херсонского, в пользу мнения о бессмертии души: «Если бы душа была одно с телом, — говорит он, — то болезни тела должны были бы отзываться на всех так называемых душевных способностях, а мы видим часто, что при совершенном изнеможении тела, в крайних страданиях, сохраняется некоторыми людьми совершенно ясное сознание и совершенно полное владычество над всеми муками телесными».

Что думают о Боге и о бессмертии души современные нам мыслители и ученые? Трудно было бы в отдельности пересказать то, что они дали нам в опровержение ходячего мнения, будто наука отрицает и Бога, и вечную жизнь: лучше расскажем о результатах анкеты по вопросу о бессмертии, с которой Роб. Томсен из Чикаго обратился к ученым и мыслителям всех стран, в том числе и России, в начале настоящего века. Ответы, размерами от нескольких строк до больших трактатов, были собраны в большую книгу под названием:

«Доказательства в пользу загробной жизни. Собрание мнений некоторых выдающихся ученых и мыслителей о будущей жизни».

Из 47 ответов подавляющим большинством голосов (39 против 6) даны положительные ответы, притом основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать об отрицательных ответах двух и уклончивых четырех; двумя же не дано никакого определенного ответа. Среди этих 39 ученых встречаются имена высокого ранга, как химик Крукс, психолог В. Джемс, психофизик Рише, биолог А. Р. Уоллес и др.

III. Бессмертие пред судом веры и разума

Разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятого в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех беспредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падут сами собою, потому что они большею частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Не с умом имеет непрерывную борьбу Св. Церковь, а с «превозношением» ума. С умом, сознающим свою силу и немощь, и широту своего разума, и границы познания, — религия не враждует.

Разум далеко не всемогущий царь, он часто слеп и беспомощен: какой рассудок может открыть в цветке запах, когда бывает насморк! Рассудок не может быть единственным условием религиозного познания; для исследования *духовных явлений* нужен и *метод духовный*, сердечно-сознательный. В *сердце* концентрируется жизнь человеческого духа. Идея о тесной связи Богопознания с сердцем выражается в терминологии, как: «разумеют сердцем», «очи сердца», «несмысленные сердцем» и т. д. *Добрая жизнь*, по свидетельству опыта, является одним из лучших средств к познанию Бога и Его откровений. «Добродетель делает богословом», — говорит св. Иоанн Лествичник. Разум — сила исполнительная, а сила *руководящая* принадлежит сердцу. Разум может с помощью своих знаний раздробить скалу, сплющить глыбу металла, но смягчить сердце жестокое, сердце черствое — не в его власти. Если человек по своей

природе хищная личность, то образование только изощряет ему зубы и оттачивает когти. Св. Евангелие 20 веков тому назад провозгласило: «из сердца исходят помышления злые и благие».

Божественный Сердцеведец Христос Спаситель первый указал миру, что единственный источник общественной, политической и всякой исторической жизни — есть дух человека, и что чем он совершеннее, тем совершеннее будет и все созданное. Если вы хотите, чтобы изменилась окружающая вас жизнь, говорит христианство, изменитесь сами, воспитайте ваше сердце.

Братская любовная жизнь, царство Божие на земле — возможны, только их надо искать не где-нибудь вокруг, не в чем-нибудь внешнем, а внутри себя, в своем сердце. Сердце же — не область влияния науки, а царство религии. Признавая истинным лишь то, что воспринимается нашими несовершенными пятью чувствами при освещении разума, наши отрицатели-материалисты гордо и смело отвергают все, что не поддается их наблюдению — мир сверхчувственный, невидимый, таинственный, сокрытый от восприятия внешних чувств, тот мир, который выходит из пределов нашего знания. А между тем истинная наука отнюдь не отрицает той великой и вечной истины, что человек состоит не из одной только видимой физической природы, или субстанции, но и из особого невидимо таинственного, неосязаемого, животворного начала, которое мы, верующие, называем душой, созданною Творцом по образу и подобию Своему. Даже многие из материалистов называют эту душу «основой или причиной жизни организма», «таинственным животворным началом», «источником жизни тела» и т. д.

Отсюда следует, что объектом ведения внешних чувств служит видимый окружающий мир, а объектом ведения внутренних чувств духовных, веры сердца — невидимый мир, насколько дано его познать человеку. Ибо даже простая логика говорит нам, что если для внешних чувств и ума человека есть предметы ведения и созерцания, то непременно должны быть предметы ведения и для духовных его чувств.

Как есть в человеке высшее духовное начало, то непременно есть сходное ему начало и вне его.

Наше тело почерпает нужные материалы для своего существования из внешней природы и без пищи долго существовать не может. Откуда же почерпаем мы духовную пищу для возвышения и усовершенствования души и сердца по образу и подобию Бога? Разумеется, из сродной нам природы Божества, для чего существуют молитва, чтение Слова Божия и Св. Таинства.

Заметьте, что желание жить, жить всегда, которое находится в сердце каждого человека, дано Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертие души, как бы первое побуждение готовиться к жизни будущей. Желание жить связано с желанием счастья, которого ждет всякий. Эта жажда счастья не утоляется здесь, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца. Мы видим, что Бог, влагая в природу человека известные желания, дает вместе с тем и средства к удовлетворению их. Мучимые жаждой, мы можем напиться; голод можем утолить пищей; уставши от труда, мы чувствуем нужду подкрепить и обновить свои силы покоем, и благодетельный сон подкрепляет их и обновляет. Но счастья мы ждем беспрестанно, и никто не может нам дать его. Неужели это счастье нигде не существует? Ужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения удовлетворить его когда-нибудь? Нет, Промысл Божий, который доставляет нашему телу все блага земные, не может навсегда оставить нашу душу, алчущую счастья. И так как счастье не находится здесь, то оно должно существовать за пределами нашей жизни, в жизни будущей, в недрах Божиих. Есть другое желание, близкое желанию счастья, это — желание усовершенствования, которое, по кратковременности нашей жизни земной, не может быть удовлетворено здесь. Нам кажется разумным думать, что Бог, даровавший нам это желание, — удовлетворит его в жизни будущей.

Заметьте, что способности нашего сердца и нашего разума не развиваются и не усовершенствуются до такой степени, до какой могли бы развиваться и усовершенствоваться. Но Бог не оставляет Своих произведений неполными, неоконченными.

Следовательно, надо полагать, что по Своей премудрости Он бережет для нашего духа другую жизнь, где человек делается тем, кем может быть. Человек способен приобретать каждый день новые

познания. От детства до старости сколько успехов он может сделать в науках! Как он может усовершенствовать себя в благочестии! Однако же он умирает, и его умственное и нравственное образование остается неоконченным. Он мог бы еще более усовершенствоваться и в том, и в другом; он мог еще лучше изучить чудные явления мира Божьего; он хочет совершенно искоренить в своем сердце пороки и на место их насадить добродетели, словом — мог бы еще более приблизиться к тому идеалу, который указан Самим Богом, но смерть останавливает человека прежде, чем он окончит тот путь, который должен был бы пройти. В таком случае Бог оставил бы Свое дело неоконченным, скажем более, Он попустил бы человеку умереть навсегда в ту минуту, когда человек наиболее способен усовершенствоваться! Но можно ли представить, чтобы Мудрый Строитель, набросал кучу песку на мраморный фундамент, вместо того чтобы окончить здание? Можно ли представить, чтобы отец, давший превосходное начальное образование своему сыну, запер бы его на остальное время жизни в четырех стенах, вместо того чтобы позволить ему продолжать учение и собрать плоды своего воспитания? Так и здесь невозможно, чтобы тот, который любит добро, который стремится к совершенству, идея которого и чувство даны ему Богом, был остановлен на пути своего усовершенствования. У кого из нас нет желания узнать лучше чудесные законы природы, по которым Промысл управляет миром? У кого нет желания узнать лучше Виновника всего существующего? Какое дитя не желает видеть отца, которого он знает лишь по благодеяниям, полученным от него? Разве Бог дал бы нам возможность возноситься мыслию к Нему, если мы не должны наслаждаться более ясным созерцанием Его природы, Его совершенств, конечной цели творения мира и т. п.?

Прекрасен образ души, совершенствующейся в истине и добродетели! Ужели Бог уничтожил бы ее прежде, чем это усовершенствование будет окончено? Совершенство, как и счастье, — растение не здешнего мира: оно принадлежит другому царству. Всякое растение имеет почву, климат, ему свойственный, но для совершенства нет здесь родины. Где же оно, если не в будущей жизни? Человек есть венец всего земного творения, но это творение не окончено.

Мы — только камни, предназначенные войти в сооружение великолепного здания, мы находимся в подготовительной школе, где получают только начатки учения, мы проходим только детский возраст того длинного века, которого имя — вечность. Смерть только совлечет с нас земную и грубую оболочку, недостаточную для нашего будущего существования. Когда мы припомним, что люди, имевшие самое чистое сердце, непрестанно боровшиеся с врагами духовными и прославившие себя множеством побед, как, например, св. Апостол Павел, не были уверены и после непрерывных трудов, что достигли совершенства, к которому стремились, когда подумаем, что Господу должно же быть приятно видеть те успехи, какие делают в благочестии Его создания, приятно видеть, как они все более и более приближаются к уподоблению Ему, — тогда нельзя себе представить, чтобы Господь оставил их на половине пути к добродетели, чтобы Он в награду за их заслуги даровал им смерть, уничтожение. Это несообразно с благостью и мудростью Божественною.

IV. Бессилие и блуждание природного разума

Наши «мудрецы» сразу хотят понять мир духовный, сверхчувственный, но как они дерзают так врываться в этот мир таинственный, когда даже земное не все для нас понятно? Знаем ли мы, что такое холод, свет, эфир, электричество, сила тяготения? В науке на эти вопросы или X, или туманные шаткие сведения, меняющиеся с каждым пятилетием. Если же земное мы так мало понимаем, как же нам понять небесное? Но гордых сынов века сего ничто не смущает, они проповедуют, что вся вселенная произошла сама собою. Мнение это не новое, оно существовало уже в древности. Еще Цицерон говорил, что производить мудрое устройство мира от случая — нелепо; «могу ли, — пишет он, — не удивляться, слыша мнение, будто какие-то тела, увлекаемые неизвестною силою и тяжестью, стремились куда-то и случайным столкновением их — произведен этот благоустроенный мир? Если это возможно, то почему же не допустить и того, что стоит только высыпать на землю бесчисленное множество отлитых из золота букв, и из них составит чудесное литературное произведение. Если столкновение атомов могло произвести целый мир — то почему же это не может составить храма, или дома, или города, что было бы гораздо проще и легче?»

Английский философ Бэкон сказал, что нужно ум свой приспособлять к величию Божиих тайн, а не тайны эти втискивать в тесные рамки ума. Подумайте, как муха может что-либо уразуметь в плане какого-либо архитектора или инженера?

Французский математик Паскаль в этом же смысле высказался, что высший подвиг рассудка — признание, что существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок.

Божественные вещи надо сначала возлюбить, а потом можно будет отчасти уразуметь. Где у человека тот масштаб, та мерка, которыми он мог бы проверить Божью беспредельность? Существо Божие выше всякого познания не только человеком, но и ангелов, Он есть «Свет неприступный». Если пред сотворенным светом видимого солнца изнемогает наше око, как не изнеможет око нашего ума пред Светом Вечного Солнца духов, пред Которым и высшие из ангелов закрывают свои лица? Ограниченный ум человека относится к Богу — предмету познания, как горсть к морю и даже менее, чем горсть. Но можно ли горстью исчерпать море? И если бы и возможно было это потому, что море имеет пределы и меру глубины, то все же невозможным оставалось бы малым сосудом разума человеческого исчерпать бездну премудрости Божьей, которой широта беспредельна и глубина безмерна.

Кроме природной ограниченности нашего ума, естественному Богопознанию препятствует греховное помрачение его. «Удивляюсь я тем немалочисленным людям, — говорит Симеон Новый Богослов, — которые не трепещут богословствовать о Боге, будучи исполнены грехов... Мы, не знающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и бесстрашием приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Св. Духа, просвещающего и научающего всему»...

Будет время, когда многие тайны будут нам открыты вполне, но для этого мы должны пройти долгий и весьма ответственный *путь* правильного духовного развития.

Ведь и детям кажется многое чудом.

Глубокая вера в один разум есть самое жалкое идолопоклонство! Для чего приходил Христос на землю? Для спасения людей, — не правда

ли? Но если для спасения, то, стало быть, самое роскошное «общее образование», каковым кичился древний мир, не было спасительным.

Ко времени Христа человечество умело строить так называемые «чудеса света». Оно имело акрополи и капитолии, дивные храмы, прекрасные театры, богатые библиотеки, школы, гимназии, студии, фабрики, мастерские. Ко времени Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Эпикур, Зенон; отгремели великие ораторы, трагики и поэты. Уж если говорить правду, тогдашнее «светское образование» было не ниже нашего и несравненно благороднее, несравненно ближе к великим инициаторам поэзии, философии и науки. Тем не менее, мир тогдашний *погибал*. Потребовалось не светское образование, а некое священное *откровение*, некая *небесная тайна*, которую объявил Христос миру в очень немногих поучениях. Если выбрать из четырех Евангелистов одни лишь слова Христа, их наберется лишь на десяток страниц. Как же случилось, что тогдашняя тысячелетняя цивилизация вела человечество к гибели, а простой и кроткий закон Христа — к спасению?

Все Евангелие, этот великий факт христианства, есть опровержение чудовищной мысли, будто смысл человеческой жизни лишь в науке и рассудке. Вот что говорит знаменитый физик Грин: «Господствующее в материализме учение “о вечности материи и круговращении миров” — не основано ни на каком факте, ни на одной, самой отдаленной аналогии, соответствующей известным фактам». Того, что можно было бы назвать *мировоззрением научным*, — *нет и не дано наукой*: у науки нет единого общеобязательного для всех ученых своего, так сказать, официального мировоззрения, а если, говорит Роберт Майер, поверхностные умы щеголяют отрицанием существования чего-либо высшего, сверхматериального и чувственно воспринимаемого мира, то такое жалкое притязание отдельных умов не может быть поставлено в вину *науке*.

Полная несостоятельность и лживость естественнонаучных теорий, позитивных мудрований, воюющих против Бога и христианства, — доказывается тем, что многие из этих теорий, как «построенные на песке», совершенно разрушились и пали в глазах ученого мира, хотя прежде считались чуть ли не за общепринятую непреложную истину.

Односторонность и несостоятельность их, таким образом, высказалась их недолговременным существованием. Только Богооткровенное учение, заключенное в Библии, пережило и переживает века, несмотря на козни многочисленных врагов. Библия написана не одним автором, а произошла мало-помалу в течение времени около 1400 лет. Она состоит из 76 отдельных книг; в составлении ее участвовало множество различных авторов, людей самого разнообразного общественного положения, — ученых и неученых, царей и рабочих, духовных и земледельцев, государственных мужей и пастухов. Содержание Библии составляют: история, пророчества, послания, законы или религиозно-нравственное учение, — чрезвычайно разнообразное содержание! Но от первой до последней страницы Библию проникает один и тот же дух, одни и те же основные взгляды. Если бы переплести в один том какие-нибудь другие сочинения, ну, хотя бы лучшие сочинения по медицине, появившиеся в течение 1400 лет, и потом лечить по этой книге больного, то никому от такого лечения не поздоровилось бы, и мы не желали бы быть на месте больных... То же самое, и еще более, должно сказать и о других сочинениях, например, по философии. Откуда же происходит удивительное единство Библии и как его объяснить? Эта удивительная гармония, проникающая все в Библии, от начала до конца, служила главным доказательством Богодухновенности Священного Писания еще у Бенгеля, одного из великих богословов-библеистов прошлого века.

Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии Божества на нашу душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры. Все хорошее в человеке и в человечестве, говорит Влад. Соловьев, только в соединении с Божественным предохраняется от искажения и извращения. Как только нарушена Богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в человеке.

Темная сила уже во времена Апостолов воздвигала своих борцов против нашей веры, а теперь эти явления еще рельефнее сказываются, особенно в нашей страждущей и далекой родине, да и в

нашей эмигрантской среде. Много веков тому назад любимый ученик Христа сказал: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов — от Бога ли они, потому что много лжепророков». Забыли мы эти слова! Многие из нас с жадностью набрасываются на оккультизм, спиритизм, теософию, не вдумываясь в сущность этих учений, и, ослепленные, бредут к пропасти, сами того не сознавая.

Возьмем, например, хоть теософию: она отрицает вечные муки, отрицает Страшный Суд, говорит, что только от самого человека зависит его дальнейший прогресс, что благодать свыше совсем не нужна (древнее диавольское искушение: будьте, как боги), учит о перевоплощении, о нескольких жизнях на земле одной человеческой личности, и будто бы в этих существованиях личность постепенно развивается в хорошую сторону, а христианин должен же знать, что учение о перевоплощении осуждено 5-м Вселенским Собором и предано анафеме, ибо сказано в Священном Писании: «однажды смерть, а потом суд».

Надо поражаться этому ослеплению христиан! Хоть бы раз, увлекаясь теософией, задали они себе вопрос: зачем же тогда Иисус Христос сходил на землю и страдал за нас, если так легко можно достичь нравственного идеала своими силами, без помощи свыше, — стоит только пожить то во времена фараонов, то в эпоху крестовых походов, то среди краснокожих в Америке; да и почему это, переходя из одного воплощения в другое, личность будет прогрессировать только в добре? А ну, как во зле? И ослепленный человек не видит, что теософия — учение диавольское, учение гордости, что все воображаемые циклы перевоплощений и эволюций — совершеннейший и чистый нуль пред всемогущим действием благодати Божией. А главное, главное, что упускает из виду (опять-таки, точно глухой и слепой!) бедный теософ — это то, что Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, Второе Лицо Св. Троицы, — теософия считает лишь одним из основателей религий, каким был и Магомет, и Конфуций, и Зороастр: она отрицает, что Иисус Христос — Бог, пришедший во плоти на землю. Русские теософы не читали, вероятно, книгу Анни Безант, изданную в Лондоне в 1882 году. Книга называется: «Евангелие атеизма». В ней Анни Безант, ярая проповедница теософии, провозглашает атеизм «передовым бойцом

прогресса, почетным авангардом армии свободы» и в истерическом исступлении в славословии атеизму доходит до восклицаний: «честь и слава тем, кто для улучшения земли забыл Бога!» Вот какие убеждения у вождей теософии, а увлекающиеся этим антихристианским учением забыли божественный голос Иоанна Богослова: «испытывайте духов, от Бога ли они... всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, — не есть от Бога, но это дух антихриста».

Не ясно ли в этом непродуманном увлечении теософией, оккультными науками, спиритизмом — участие «невидимого агента» — дьявола?

V. О подлинности и Божественности Личности Иисуса Христа

Для нас, верующих и верных сынов Церкви, сомнения в Божестве Иисуса Христа, Спасителя нашего, и быть не может, но поговорим с холодным скептиком — и он заявляет, что Христос был просто человек. Не ново это: много столетий тому назад Арий, наказанный гнусной смертью, утверждал то же. Теперь пошли еще дальше; сатане мало этой ереси, он спешит проявить свою злую силу, и теперь его слуги проповедуют, что вовсе не было Христа, что просто это легенда, миф! Больно и страшно за тех, кто высказывает эти мысли, но будем говорить хладнокровно: явление великих людей ничем не предварялось так, чтобы их заранее знали и ожидали; — пришествие же Христа было предрешиено за тысячи лет, возвещено с такою ясностью и подробностью, что даже указывалось место, время и почти год Его явления. Ко времени Спасителя уже весь Восток знал и ожидал, что из Иудеи явится Кто-то необыкновенный, Кому должны покориться все народы. Кроме Иисуса Христа, не было на земле лица, на котором бы исполнилась вся совокупность всех прообразов и пророчеств.

Пророчества Исаии о страданиях Христовых настолько ясны, что пророк как бы сам стоял у Креста и описывал Голгофские события, как очевидец, за что и назван отцами Церкви ветхозаветным Евангелистом.

А пророчества царя Давида, возвещенные чуть не за тысячу лет? С какую буквальной точностью исполнились они!..

Свое великое служение Господь Иисус Христос совершает вполне сознательно, как делает архитектор с предначертанным планом в руках. В Нем нет нетерпеливой поспешности, какая допускается иногда и великими людьми, стремившимися достигнуть намеченной ими цели в ущерб их дела, нет и медлительности, бывающей плодом нерешительности вследствие медлительности будущего: когда ученики хотели Божественного Учителя своего удержать от посещения Иудеи, где ждали Его страдания, то ответом Своим Он дал им знать, что с Ним должно быть, — что будущее для Него ясно, как день, и что в отношении к делу, которое Он пришел совершить, не существует таких случайностей, которых Он не предвидел бы и не смог бы предотвратить. Он знает, что Его ожидает в Иудее, куда они боятся идти, и однако же пойдет туда, чтобы исполнить то, что должен исполнить как волю Отца Своего.

Во время Голгофских страданий трепетала вся природа, скрылся свет солнечный, что было предсказано за много веков пророком Амосом: «Зайдет солнце в полудне, и померкнет на земле в день свет» (Ам. 8:9). Затмение солнца во время Распятия Иисуса Христа — это исторический факт, занесенный тогдашними летописцами-язычниками в хроники. Событие это было так необычайно, против всех законов природы, ибо было полнолуние, — луна не стояла между землею и солнцем, что необычайность и достоверность этой тьмы засвидетельствована была тремя язычниками-писателями того времени: римским историком и астрономом Флегонтом, Юлием Африканом, историком Фаллом и еще (не поименованным у историка Евсевия) четвертым языческим историком. В их записях вполне совпадают и часы этой тьмы с апостольскими указаниями. Один из упомянутых летописцев, пораженный сверхъестественным явлением, воскликнул: «умер кто-либо из богов!»

Еще что поражает нас в личности и жизни Христа — это величие, о котором говорят с живым, энтузиазмом сами противники христианства: «по великой силе в словах и делах, — говорит, например, Ренан, — Иисус стоит одиноким, вне всякого сравнения. Его слава остается полной и всегда будет новой. Величие Христа особенное: оно имеет своей основой одну из прекрасных добродетелей, украшающих человеческую душу, — смирение».

Бесконечная кротость Иисуса Христа, как выражение Его внутреннего смирения, истинно поразительная, выше, чем человеческая. И эти две черты, так тесно связанные в Нем, составляют тот отличительный характер Иисуса Христа, при котором Он безбоязненно и решительно указывает на Себя как на *Образец* для подражания: «научитесь от Меня, потому что Я кроток и смирен сердцем»...

«Ничто меня не поражает в Евангелиях более, — говорит один из христианских писателей, — чем великий характер кротости и любви, внутренней чистоты и нежной симпатии, какая открывается и постоянно царит в словах и делах Иисуса Христа и представляет небесную красоту Его жизни» (Гизо).

Образ Иисуса Христа есть образ высочайшей и чистейшей гармонии, как в физическом, так и в нравственном отношениях. Это вполне гармоническая жизнь человека. Иисус Христос есть весь любовь, весь чувство, вместе с тем Он есть также и совершенный дух, совершенная ясность и высота духа. Чувство и мысль у Него неразрывны. И во всем царствует живость чувства и впечатления, и, однако, эта живость Его духовной жизни никогда не является в страстном возбуждении. Эта жизнь представляет полную картину скромного величия, мирной простоты и возвышенной гармонии (Х. Лютард). Поэтому-то Господа Иисуса Христа вполне справедливо и называют величайшим чудом всей Евангельской истории.

Жизнь Иисуса Христа сопровождалась такими великими событиями, какие не встречались в жизни ни одного из великих людей, и столь великими делами, каких не совершал никто из основателей религий, ни из других великих людей. Римский сотник, язычник, стоявший у Креста и видевший знамения, совершившиеся во время страдания и смерти Господа, признал в Нем Сына Божия. Император предлагает сенату внести изображение Иисуса Христа в число богов пантеона.

Иисусу Христу, как не прочим людям, служит, как Богу, и повинуются все: море и воздух, ангелы и демоны, смерть и ад. Наконец, Иисус Христос несравненно выше стоит всех великих людей, всех пророков, совершавших силой Божией великие дела, тем, что Он не только обладает Божественной силой для совершения сверхъестественных дел, но имеет Божественную власть сообщать эту силу и другим.

Были на земле великие люди по всем отраслям человеческих знаний и искусства, были основатели религий, отличавшиеся напряженностью религиозного чувства, были великие законодатели, философы, естествоиспытатели, но не было ни одного из них, который бы совмещал в себе совершенства человеческой природы. В одном Спасителе нашем, как Богочеловеке, проявилось дивно сочетание совершенств ума, сердца, воли, и в этом отношении на земле не было подобного Ему. Когда Он спросил у ненавидевших Его фарисеев: «кто уличит Меня в неправде?» — враги молчали, ибо не могли ничего найти, а ведь сердце недруга зорко следит за малейшим пятнышком на неприятной для него личности.

Христос говорит с поразительной живостью о событиях, как близких, так и отдаленных по месту и времени; возвещает с такою же ясностью о событиях, имеющих совершиться нескоро, с какою предрек о предательстве одного ученика и об отречении другого за несколько часов до события.

Кто из основателей религий Востока и Запада предсказал об отдаленных событиях так, чтобы они исполнились? Где Капернаум, до неба вознесшийся? — следов его не осталось! Где храм Иерусалимский, строившийся почти полвека, красотой и великолепием которого все гордились? — разрушен до основания, и на месте его стоит мечеть Омара, как мерзость запустения; иудеи рассеяны по всей земле, лишены отечества. Некоторые великие люди обладали даром слова, способностью привлекать к себе сердца людей, но кто из них сравнится с Тем, о Котором слышавшие речь Его сказали: «никогда человек не говорил так, как этот человек». Ни один из основателей религий не выдавал свое учение, как всеобщее, предназначенное для всех людей и всех времен. Свое религиозное учение они предназначали прежде всего для своего народа; один только Иисус Христос возвестил о Себе, что Он пришел от Отца, чтобы спасти *род человеческий*, быть *светом для всего мира*, преподавать учение, которое должно быть проповедано от Иерусалима до последних пределов земли...

Кто сказал что-либо выше того, что возвестил Христос миру? Речи Господа обладают удивительным свойством: они так прозрачны и просты, что, по-видимому, доступны всякому пониманию, которое как

будто исчерпывает их. Но попробуйте коснуться их дна, и окажется, что эта прозрачность страшной глубины. И чем больше вы всматриваетесь в нее, тем глубже проникаете, тем вернее находите разрешение таких вопросов, которые мучают человечество на самых вершинах его развития.

Прошли века со дня явления на земле Прекраснейшего из всех сынов человеческих и, как никто из современников не мог обличить Его в грехе, так и до нынешнего дня самая строгая критика не может обрести в Нем ни малейшего нравственного недостатка.

Что касается способности обладать умами и сердцами людей, то свидетельством этого обаяния служат миллионы людей, следовавших за Ним с такою любовью и преданностью, что, когда нужно было, они оставляли все ради Возлюбленного и возлюбившего их Христа, не щадя самой жизни своей. Кто укажет такого великого человека, из любви к которому последователи его жертвовали всем своим достоянием и своей жизнью, как делали это мученики и подвижники? И теперь есть много самоотверженных, идущих за Ним, только близорукий взор не хочет их замечать, только уши глухи, чтобы слышать о них.

Самым важнейшим свидетельством для нас в пользу несомненной подлинности Личности Христа и Его Божественного Воскресения — мы считаем послания Ап. Павла: он был не простой свидетель, но знаток Писаний, остроумный, хорошо воспитанный диалектик, — ученик знаменитого Гамалиила, а потому со своим светлым умом не мог подчиниться поэтической фикции, пустой мечте той секты, которую преследовал как агент синедриона и враг Христа. Ап. Павел составил самое большое число записей о жизни Христа самых ранних (20-30 лет после смерти и Воскресения Христа из гроба).

Что же может быть выше свидетельства Апостола, который не был, как наши критики, удален от событий на расстояние десятков столетий? Он вращался ежедневно среди людей, видевших своими глазами жизнь Распятого от Вифлеема до Голгофы, жил среди ученых и могущественных Его врагов, вел разговоры с теми, кто присудил Христа к Распятию и предавал смерти Его последователей; преодолев в себе невыразимый ужас, который для всякого ортодоксального еврея заключается в мысли, что Мессия повешен на древе, он

постоянно слышал достаточные, по мнению других фарисеев, доказательства, что Иисус Христос был обманщиком народа; события, в которые Апостол уверовал, как в доказательства Божественности Господа Иисуса Христа, совершались на глазах у всех его современников. Для него не существовало неопределенностей и неясностей, обычных при критике; он вопрошал не древние документы, а живых людей; анализировал не отрывочные сказания, а показания живых очевидцев. У него в руках были тысячи средств дознаться о действительности совершившихся событий, в которые он так сильно и с таким презрением не веровал. Принимая опозоренную веру в Распятого, он, в расцвете своей молодой жизни, терял все в мире, подвергался непомерным страданиям и, несмотря на все это, побежденный несокрушимым убеждением, Савл-фарисей стал проповедником Христа и предал за Него свою жизнь.

Христианство доселе не понято и не оценено миром, а оно-то и есть то «сокровище негиблющее», которого с такой жадностью ищут люди. Это сокровище есть внутренне реальное общение со Христом, развивающееся в бесконечную радость вечности...

И жаждущему сердцу Христос дает Свой Божественный отклик: благоговейной и смиренной вере. Он решает конечные вопросы бытия. И как Он решает их? — Не отвлеченной логикой, не убедительными словами, не внешним чудом. Он решает их путем следования за Ним по Его стопам, путем усвоения Его совершенной жизни, путем духовного и телесного соприкосновения с Ним. И на этом жизненном пути восхождения «в меру полного возраста Христова» — Господь духовно открывает и разъясняет те великие тайны, постижение которых было и всегда будет недоступно одному гордому рассудку.

Попробуйте последовать учению Спасителя «до конца», ни на миг не лукавя пред собой и не ослабляя подвига, и вы испытаете столь чистые и светлые радости, что сердце ваше истаёт от восторга.

Но для вступления в Царство Божие и в основанную Господом на земле Церковь, для исполнения заповедей Христовых и для познания тайн Его учения — необходимо благодатное возрождение от Св. Духа. Если мы решимся идти по стопам Христа, отвергая силу возрождения Св. Духом, то скоро увидим всю нищету наших стремлений. Если

будем стараться исполнять Его заповеди, полагаясь только на свои силы, на своего природного, невоздержанного человека, то на первых порах бремя окажется для нас непосильным, и мы с отчаянием падём, подавленные его тяжестью. Осуществить закон Христов в жизни нашими слабыми и склонными ко греху силами, безусловно, невозможно; единственно только при помощи Св. Духа через обновление нашего естества новой стихией благодатной жизни, закон Христов становится удобопонимаемым...

«Ирод, увидев Иисуса, — повествует св. Евангелист Лука, — очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо. И предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему»... Сколько среди нас таких же Иродов! Они много, если не слышат, то читают о Христе; желали бы видеть чудо от Него, раз Он Сын Божий и Спаситель мира, и предлагают Ему много своих вопросов и сомнений, ища на них ответа в возвещенном Им Евангелии и основанной Им Церкви. И по видимому — как же не ответить Христу им? как не показать чуда в удостоверение Своей Божественной Личности? Ведь Его спрашивал царь, ведь Его спрашиваем подчас и мы, великие мира умственного и политического, скептики и реформаторы 20-го века! И что же? Он и теперь так же молчит, как молчал некогда и перед Иродом. Он молчит потому, что мы спрашиваем Его только умственно, формально, внешне, а не сгорая от жажды спасения и отчаянного сознания своей немощи. Он молчит, потому что одно лишь любопытство сквозит на лицах вопрошающих, любопытство и гордыня эгоизма. Да и принесенное Им на землю Царство Божие, царство радости не может быть передано только словами и воспринято одним умом. Не так нужно знакомиться с Господом, как хотел познакомиться с Ним Ирод; не так нам следует спрашивать Его, как некогда спрашивал он.

Царские чертоги гордыни, хотя бы и европейской, и сомнения — хотя бы и научного, — не арена для Его Божественных речей. Он отзывается только на зов сердца и отвечает лишь на безграничное к Нему доверие. Не звать властно к себе на допрос Христа, а самому смиренно прийти к Нему и поучиться от Него; не предъявлять Ему гордо свои вопросы и сомнения, а преклониться перед Ним и

доверчиво вручить Ему свою жизнь и душу со всеми ее мятежными тревогами.

Сколько душ, кажется, усердно стремятся ко Христу и не находят в себе полной веры в Него. Постоянно их тревожат сомнения: многого они никак не могут допустить и понять.

Мы напрасно думаем, что наши сомнения — что-то новое и небывалое: они были еще при жизни Господа и затем повторялись и повторяются непрерывно, ибо враг рода человеческого не дремлет и неустанно работает над гибелью нашей. Побороть его злую силу сами мы, одни, без Христа, не можем, но, возрожденные благодатью в общении со Спасителем нашим, мы получаем возможность бороться и побеждать разъяренного врага.

В беседе нашей мы говорили, что истинные ученые и мыслители, лучшие умы человечества, верят в Бога, верят в бессмертие души человеческой и будущую жизнь; доказывали, как слаб наш разум, как несостоятельны те жалкие чувства, на которых строят свои заключения атеисты; опровергли взгляд теософов на Господа Иисуса Христа, на Его Богочеловечество; коснулись того ложного мнения, что будто бы Христос — миф. Говорили, что человек состоит не из одного тела, а что он — дух, заключенный в тело. Духовная сторона есть высшая сторона человеческой природы, и ею-то мы и соприкасаемся с Божеством. Христос — Бог, а Бог есть Дух. И пребывает в области свободного духа. Мы устанавливаем свои отношения к Нему лишь настолько, насколько обращаемся к Нему именно этой силой. И степень ее свободной энергии определяет степень нашей в Него веры. Область свободного духа раскрывается только свободными усилиями человека, и в этой области Иисус Христос совершает спасение людей. Истинно верить в Него нельзя, отдавшись стихийным влечениям природы. Сколько бы мы ни неслись по ним, как бы ни развивались умственно, в каком бы пункте истории ни находились — будем ли современными Христу евреями, или русскими нашего века, — все равно, мы этими путями к Нему не придем. И это по очень простой причине: они не ведут к Нему, а проходят ниже и мимо Него; они лежат в другой стихии и направляются в другую сторону.

Конечно, Его свет можно ощущать даже и в самых заскорузлых слоях

себялюбия, Его теплом можно пользоваться и самым холодным умам, но прийти к Нему, признать Его Божественную Личность, отдаться Ему вполне, — можно только на пути духовной свободы.

А вступить на этот путь мы можем везде, в любом месте и в каком угодно времени; он (путь) всегда у нас под рукой — в высотах нашего духа. Теперь понятно, почему мы не можем иногда обрести полной веры в Христа и победить своего душевного ропота сомнений; почему же между нами и Им какая-то преграда, что-то уводящее нас от Него; — мы ищем Христа совсем не там, где Он есть на самом деле, идем к Нему совсем не той дорогой, которая ведет к Нему. А мы должны войти в тот мир, в котором пребывает Христос.

Для этого мы должны своей свободой подняться *вверх* над сферами нашей притягивающейся к земле жизни и вступить в сферу *духовную*, имеющую своим центром притяжения не землю, а Небесного Отца. Там мы сейчас же почувствуем другие влияния. Там все святое в восторге движется вокруг Духовного Солнца и увлекает с собою каждого вступающего. Там в лучезарном эфире мы подпадаем под токи той благодатной притягательной силы, которая и приведет нас непосредственно к Его Святому Лику. Тот, кто искренно желает очистить сердце свое и очищает по мере сил, кто пламенно желает и ищет Бога, тот найдет Его, ибо еще в древности прозвучал любящий голос Господень: «сыне, отдай Мне сердце твое!».

Старайтесь убедить себя в существовании Бога не большим числом доказательств, а с помощью уменьшения ваших страстей! Тогда мир сверхчувственный, тогда жизнь загробная станут для вас понятны, близки и бесконечно дороги.

Подвигни, Господи, и наши вялые сердца, и грешные, расшатанные сомнениями души, — прийти к Тебе, преклониться перед Тобою, омочить Твои пречистые ноги слезами веры и умиления и всецело отдаться Твоей любви и Твоему отеческому водительству, не мудрствуя лукаво, а с простотой сердечной исполнять Твои Божественные заповеди. Тогда откроется нам Твое слово, сами собой разрешатся наши сомнения, и увидим мы великое чудо нашего духовного просветления и примирения.

VI. О смысле христианской жизни

Наше призвание не здесь, на земле, наша родина и наша цель — «там», в том мире, к которому призвал нас Господь. Люди, не сочувствующие Церкви, говорят, что церковное учение о той жизни — какой-то темный и беспредметный мистицизм. Так ли это? Правы ли мы? Мы, христиане, — не от мира сего. Это не значит, что наш мир — где-то отсюда за миллиарды верст, где-то за бесконечными звездными мирами. Совсем нет. Он внутри нас же самих, в окружающей нас природе, на всяком месте, в каждой душе. Стремиться из этого мира в тот не значит нестись и рваться куда-то в беспредельную звездную даль, в неизвестные пространства солнц и созвездий. Нет. Это значит — просто войти внутрь того, что находится в нас самих и кругом нас. В моей душе, какова бы она сейчас ни была, все же просвечивает нечто высшее, благороднейшее и святое, хорошие мысли, чувства и желания, та же душа, но только в более совершенной и прекрасной форме бытия. Идти туда, к этому просвету, вживаться в его атмосферу, ткать из нее свои жизненные нити, — это значит идти в тот небесный мир, к которому мы призваны Господом. Стараться отдавать свое глубокое внимание всему окружающему нас живому, всякой былинке и вещи, входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, созерцая все в Боге, *отказавшись от себя*, — это значит идти в царство «не от мира сего». Тот мир есть лишь просветление, утончение и одухотворенный расцвет этого.

Милый друг, иль ты не видишь, что все видимое нами

Только отблеск, только тени от незримого очами.

Милый друг, иль ты не слышишь, что житейский шум трескучий

Только отклик искаженный торжествующих созвучий.

(Вл. Соловьев)

Мы смотрим на то же, на что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается сокрытым. Можем ли представить себе, что говорил незаметный цветок — лилия — сердцу и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал перед нею ниц!

Мы не от мира сего. Это, однако же, не значит, что мы должны

чуждаться тех людей, с которыми нас сводит действительная жизнь, и мечтать о других существах, которые более бы подходили к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас, и в других, наш долг — бороться с этим неустанно. Верующий в «то» царство входит в самое внутреннейшее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, — только видимость; он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собою и к самим себе. Он сквозь них же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того царства всякой красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, неудержимо скользя по блестящей поверхности этого мира... Наш рассудок склонен протестовать против подвигов, предпринимаемых нашими подвижниками, как, например, уединение, столпничество, пост, частая и долгая молитва.

Приведем очень характерный образчик такого протеста, сказавшийся в отзыве одного русского публициста о преп. Серафиме Саровском. Как известно, преп. Серафим предался столпничеству в конце 18-го столетия, в эпоху крупных революционных движений на Западе, и публицист по этому случаю бросает подвижнику такой укор: «Дух Божий и дух тьмы столкнулись, как два урагана в крутящемся смерче революции, и рушились царства, гибли народы, а он, Серафим, стоял тысячу дней на камне в безмолвной молитве. Люди боролись с людьми за будущность мира, а он боролся с бесами за одного себя»...

Конечно, если оценивать людей со стороны их способности к борьбе за формальное право, стремящееся установить в мире внешнюю правду, в которой до сего времени многие видят единственное лекарство от всех зол, — то преп. Серафим, как такой общественный деятель (с точки зрения «многих»), был явлением отрицательным. Но не следует судить о такой огромной и просветленной силе, как этот праведник Божий, лишь по этой мерке, ибо у него были основания искать других средств к врачеванию людей, и для этого он стремился прежде всего постигнуть внутреннюю духовную жизнь человека,

найти правду *внутреннюю, во внутренней совести*, стремился для этого очистить себя от низменных страстей, а потом *помогать людям в этом же направлении*. И результаты жизни преп. Серафима, как мы знаем, оправдали его подвиги: преп. Серафим сделал в свое время (и по сие время делает и будет делать) много, о, как много, для страждущего человечества, неизмеримо больше, чем те, которые думают борьбою на баррикадках устанавливать внешнюю правду. Тысячи страждущих душою и телом приходили к старцу за помощью, помощью не призрачной, а действительной, врачующей людей; приходили измученные жизнью, протекшею для многих из них в бесплодной борьбе в среде того самого формального права, в котором малый разум человеческий только и видит свое спасение от всех зол. Всякому св. подвижник давал мир Христов, и все, кто имел с Преподобным общение, ощущали его великую любовь и ее благодатную силу. И чем больше в народе таких «беспольных эгоистов», борющихся с бесами в самом себе, тем совершеннее делается общественный строй, если не по внешней форме, то по духу своей жизни. Здесь совершается великая тайна воздействия благодати Божией чрез избранные «сосуды» — на общество людей.

Одинокство подвижника — только путь к высшему *единению*.

Подвижники уходили в пустыню, леса, порывали связь с людьми и всецело отдавались подвигам нравственного совершенствования, но разобщение с миром продолжалось только до тех пор, пока они не чувствовали того, что могут быть полезны людям; почувствовав же это, они с энтузиазмом и настойчивостью отдавались делу духовно-нравственного руководства людьми, искавшими спасения. В этом смысле наши подвижники были общественными деятелями в самом высоком и благородном значении этого слова: отдавшись стремлению к идеалу нравственного совершенства, они шли твердо и неуклонно к этой цели, и лучи этого подвига освещали не их одних, но всех, кто соприкасался с ними.

VII. Значение и всеобщность веры в бессмертие

Отрицатели думают, что наша святая, жизнь загробная, — только утешительная мечта, она скрашивает нашу тяжелую и прозаическую жизнь своими грезами, но сама — только греза, не более: умер

человек, истлеет и развеется тело... и все исчезнет, как туман. И эти думы, основанные на нашем полном равнодушии к своему духовному миру, на нашем религиозном невежестве, на потворстве своим животным страстям, — приводят многих к ужасному концу! Только верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Многие самоубийцы покончили с собою (и ныне кончают) из-за одной и той же духовной болезни — от отсутствия высшей идеи существования в душе их.

В наше тяжелое и ответственное время материализм, «отрицая в человеке человека с душой, с правами на бессмертие, проповедует какую-то правду, какую-то честность, какие-то стремления к лучшему порядку, к благородным целям, не замечая, что все это делается ненужным при том, указываемом им, *случайном* порядке бытия, где люди, по его словам, толпятся, как мошки в жаркую погоду, в огромном столбе, сталкиваются, мнутся, плодятся, питаются, греются и исчезают в бестолковом процессе жизни, чтобы завтра дать место другому такому же столбу. Если это так, тогда не стоит работать над собою, чтобы к концу жизни стать лучше, чище, правдивее, добрее. Зачем? Для обихода в несколько десятков лет? Для этого нужно лишь запастись, как муравью, зернами на зиму, практическим умением жить такую честностью, синоним которой — «ловкость», столькими зернами, чтобы хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобы было тепло, удобно... Какие же идеалы для муравьев?» (Гончаров).

Отнимая от себя небо и делая себя исключительно *земным* существом, человек волей-неволей прилагает себя к скотам бессмысленным и уподобляется им. Теперь многие — христиане лишь по паспорту. Многие даже ходят в церковь и молятся, а в бессмертие души своей едва ли верят, просто, наконец, об этом не думают. Есть и другие натуры: с виду часто грубые и порочные, а между тем природа их, быть может, им самим неведомо, давно тоскует по высшим целям и смыслу жизни.

В семьях наших о высших целях жизни почти не упоминается, а об идее бессмертия не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней насмешливо. И это при детях, да даже еще, пожалуй, с нарочитым назиданием. Вопрос о бессмертии — самый

жизненный: вся наша жизнь, как личная, так и общественная, зиждется на вере в бессмертие души и будущую жизнь.

Бессмертие человека состоит в том, что душа его по смерти тела продолжает жить отдельно от тела, и человек за гробом продолжает свое существование в другом мире, правда, в другой форме и других условиях. Смерть не прерывает существования человека, а только *видоизменяет* его. На земле люди называют одних живыми, а других мертвыми. Но кто же мертвый? Это не человек, а часть человека — тело. Оно и предано земле, а главная часть человека — образ и подобие Бога — душа — жива! Она перешла в мир загробный и живет там. Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых, и земная жизнь наша только есть начало, приготовление к жизни вечной, нескончаемой. Нет и не было ни одного народа, который не ожидал бы будущей жизни, — это чувство присуще душе человеческой. Вспомните Египет, Грецию и Рим, Индию... Конечно, форма выражения этой будущей жизни, характер и степень ее развития не у всех народов одинаковы. Языческие религии представляют, большей частью, более или менее ясные гадания об истине бессмертия души, и только христианство сообщило вере в бессмертие и загробную жизнь полную достоверность и истинное выражение, ибо оно не учение человеческое, а Богооткровенная истина. Вспомните древнегреческого писателя, историка Плутарха, который много в своей жизни путешествовал и много видел разных стран и народов и который писал: «Обойдите вы всю землю, вы увидите много во всем различий; вы увидите селения, где нет никаких законов; увидите людей, которые не знают, что такое деньги; встретите города без укреплений; целые племена, не имеющие жилищ, но *нигде вы не найдете страны или народа, среди которых не строились бы алтари и жертвенники, где не сжигались бы жертвы и не возносились бы молитвы к небу*». Есть религиозное ощущение, значит, есть и то, что в нем дано, то, что в нем ощущается. Есть Бог в нас, — значит, Он есть. Это чаяние вечной жизни, которое искони существовало в человеческом духе, как нечто свышеприрожденное ему, получило полное и совершенное развитие в христианстве. С поразительною силою убеждения говорит, например, Апостол Павел о воскресении и будущей жизни в 1-х Посланиях к Коринфянам и Солунянам. Загробная жизнь сделалась у Апостолов предметом

твердой и непоколебимой уверенности, потому что им дано было зреть воочию эту посмертную жизнь — в лице Воскресшего Христа. Эта благодатная вера воодушевляла первых христиан, она же ярко светила в жизни Святых Божиих, и почти на наших глазах так ярко проявлялась, например, в жизни преп. Серафима Саровского, старца Амвросия Оптинского, о. Иоанна Кронштадтского, которые еще на земле как будто переступили таинственную грань мира сего и жили далеко за его пределами. Они имели только благодатное знание о будущей жизни, отблеск которой словно отражается на их всегда детски радостных лицах и в восторженных речах, как людей, подобно Ап. Павлу, испытавших *«восхищение до третьего неба»* и слышавших там *«неизреченные глаголы»*.

Вот и нам, в христианской жизни, необходимо благодатное знание о будущей жизни, или твердая уверенность в вечной жизни, светом и дыханием которой всегда жили и живут истинно верующие христиане. *«Заповедь Его есть жизнь вечная!»* Между тем для нас вечная жизнь — большею частью туманный вопрос философии, который материалисты и атеисты совершенно отрицают, основываясь на том, что их царь — рассудок — не принимает этого. Правда, находятся среди них благодетели человечества, которые говорят и заботятся об *«общем благе»* людей. Но прислушайтесь к речам этих проповедников общечеловеческого благополучия: вы слышите постоянно высокие фразы о самопожертвовании, о свободе, братстве и т. д., одного только вы не найдете в этих обманчивых речах — слов *«Бог»* и *«Христос»*. Оказывается, ни Бог, ни Христос не нужны этим мечтателям, которые хотят устроить общее благополучие на земле без сверхчувственной помощи и потому сознательно отрекаются от христианства. А это отречение от христианской религии равносильно отрицанию в жизни всякого нравственного смысла. Справедливо еще в древности сказано Тертуллианом, что душа наша — по природе христианка.

Люди, приближающиеся к совершенству, достигшие чистоты сердца, *«стяжавшие Духа Божьего»*, находясь еще в этом мире, имеют дерзновение перед Вседержителем, входят в чертог Его, где ангелы и духи святых. Еще будучи в теле, они твердо знают, что будут царствовать со Христом, потому что еще здесь, на земле, познали

сладость Божественного озарения и действие силы Его. Сверхъестественные дары Богообщения, получаемые душой, еще находящейся в теле, служат только залогом небесных благ, о которых нельзя человеку и рассказать, ибо нет у нас образов, нет слов для их изображения. Уже в настоящей жизни, поднявшись на вершины духовной высоты, эти святые люди переживают блаженство и радость, подобные вечной небесной радости в будущем веке. Они были еще здесь ангелами, целя всяческие недуги душевные и телесные; преображались на молитве, сияя Фаворским светом: им повиновались стихии, пред ними преклонялись люди и звери, растения, вода и воздух.

Свои мысли, свои видения, созерцания они оставили нам в своих творениях, и вот, на основании этих творений, как озаренных свыше, мы и будем говорить о будущей жизни, жизни по ту сторону гроба.

VIII. Смерть и бессмертие в нас. О самоубийцах

Человек, как существо, предназначенное к бессмертию, не может не иметь предчувствия о нем, но в иных людях чувство это сильно, а в других так слабо, что оно почти ни в чем не проявляется. Отчего это? Да оттого, что в теперешнем составе человека два начала: одно — бессмертное, которое не исчезает в смерти, другое — которое живет только до гроба. Каждое из этих начал производит в человеке сродное себе чувство. Оба эти начала так тесно связаны, что составляют теперь одно целое. Поэтому-то и чувство бессмертия с чувством смертности сливаются в одно, неопределенное чувство. Если человек живет более тем, что есть в нем истинно бессмертного, т. е. духом, совестью, то чувство бессмертия усиливается, а если сильно предается тому, что есть в нем временное и мертвое, — плоти и крови, то усиливается чувство смертности. Нашу душу, рвущуюся к свету небесному, нельзя удовлетворить земными благами, и потому-то многие люди, по-видимому имеющие все для земного счастья, испытывают нередко великую тоску; недаром бл. Августин, испытав все удовольствия и прелести земные, воскликнул: «Ты создал нас для Себя, и сердце наше неспокойно до тех пор, пока не найдет покоя в Тебе».

А великий Святитель Григорий Богослов сказал: «Ты создал все

непостоянным, чтобы мы всегда стремились к Тебе Постоянному, Вечнонеизменному!»

Смерть — великое и страшное таинство; и самое таинственное в ней — момент разлучения души с телом, переходение человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной — в вечную. Люди, говорящие легкомысленно о смерти, люди, сами прерывающие свою жизнь самоубийством, — глубоко несчастные и *слепые*! Ведь самоубийство уничтожает *только тело*, но не бессмертный дух его, который, по разрешении от тела, перейдет в вечность и некогда вновь соединится с тем же телом, хотя и измененным. И тогда самоубийца даст отчет не только за свое нравственное поведение на земле, но и за насильственное прекращение своей земной жизни посредством самоубийства, так что, следовательно, освобождая себя самоубийством от временных страданий, он чрез это самое подвергает себя величайшему страданию в жизни будущей, *вечной*. Человек не должен оставлять своего поста на земле, пока не отзовет его Тот, Кто послал его сюда.

Даже в дохристианском мире строго каралось самоубийство. В Греции от тела самоубийцы отсекали руку, которой он лишил себя жизни, и полагали отдельно. В Спарте и Кипре совсем не погребали. В Риме Тарквиний Приск повелел тела самоубийц распинать на крестах и отдавать их потом на съедение диким зверям и птицам. Аристотель порицал его как проявление трусости: страдание и терпение — лучшая школа героизма, вот для страдания-то, для терпения и недостает самоубийце сил и мужества, почему он и бежит от жизни. Много сил нужно, чтобы переносить жизнь, которая нам не обещает ничего, кроме страданий, гораздо больше сил, чем для решения убить себя. И храбрость самоубийц — слепая и только потому кажется некоторым отважной; индийская поговорка вещает: «грудной ребенок не боится тигра». И храбрость самоубийцы сильна только до момента смерти, а в момент смерти душа прозревает, и скажи, храбрая душа, будешь ли ты так же сильна и там, пред тем, что тогда увидишь?

IX. Состояние души после смерти тела

Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной

жизни, — и в то время, когда у тела длится еще борьба со смертью, — дух уже освобождается, и еще прежде решительной смерти тела — он уже витает как будто вне тела. Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или, правильнее, дух его в земном образе, является в отдалении от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут — и человек вступает в вечность... Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Двигается не ногами, а одной силой воли, и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него деления и места, нет ни часов, ни дней, ни годов, нет расстояний, ни малых, ни больших, все сливается в один момент — *вечность*. Что же он видит и чувствует?

Невыразимым ужасом поражает его открывающаяся вечность; ее беспредельность поглощает его ограниченное существо; все его мысли и чувства теряются в бесконечности. Он видит предметы, для которых у нас нет ни образов, ни названий; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены у нас никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, пред которым наше яркое солнце светилось бы не более, чем свеча пред солнцем; мрак, пред которым наша самая темная ночь была бы яснее дня. Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, также отошедших из этого мира.

Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне раскрывшиеся со всеми их внутренними свойствами, которые и облакают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга, а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни. Встречаются духу

нашему существа, такие сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшую над ним силу их. Одни из них выходят из беспредельного мрака, и все существо их мрак и зло; неизобразимы страдания в них самих, скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие.

Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному.

А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, еще более могучие; их природа и жизнь — одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение...

И так, в этом чудном мире дух человека силою своей духовной природы и неодолимой силой *притяжения сродного* ей мира летит, летит все далее и далее до того места или, лучше сказать, до той степени, до какой могут достигать его духовные силы, и весь, поразительным для него образом, перерождается. Тот ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и порабощаемый так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог! Теперь, что с ним случилось? Теперь все, и доброе, и худое — быстро, с неудержимою силою раскрывается; его мысли и чувства, нравственный характер, страсти, стремления воли, все это развивается в необъятных размерах; сам он остановить их, ни изменить ни победить не может; его недостатки и слабости обращаются в положительное зло; его зло делается бесконечным, его скорби обращаются в беспредельные страдания.

Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Ваша душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злой до бесконечности; ваше худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдержанное, если вы не искорените его здесь, обратится там в бешенство; если вы здесь владеете собою, там вы уже ничего не сможете с собою сделать: все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечность...

Душа человека, отрешаясь от тела, с многократной силой продолжает

развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни...

Вследствие этого праведники бесконечно утверждаются в добродетелях и преданности святой воле Божией, а нераскаянные грешники — в нечестии и ненависти к Богу. К концу мировой истории и на небе, и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и так же ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь нехорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет: ты тогда слишком хорошо себя узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь, и во веки веков будешь страдать, — чем? бешенством от твоего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той злой среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что будет с нею?

И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большею частью сокрытое, неузнаваемое, неценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни. И понесется эта душа, всей силой своего нравственно-развитого и добродетельно-возвышенного стремления, в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ, и сама делается ангелом, т. е. таким же светлым, чистым блаженным существом. Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни колебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздну будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни (Иоанн, еп. Смоленский: Беседа в день Успения Божией Матери). Состояние наше в будущей жизни не будет

состоянием бездеятельного покоя, мертвым *квиетизмом*: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души, путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Непосредственное общение с Богом, как всеозаряющим Светом, должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия. Тогда только удовлетворится та духовная жажда знания, которой томится человек в настоящей жизни. Один Бог — беспредельное море сущности — будет уже служить неисчерпаемо возвышеннейшим предметом для нашего ума и в его вечном стремлении — постигнуть Виновника всего существующего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено, в Лице Богочеловека, на престол Божества.

Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский, мир совершенных, чистейших духов.

Само человечество, в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии, будет также предметом, размышление о котором будет представлять для нас величайший интерес, как представляет и теперь, при наших ограниченных средствах познания.

Наконец — преображенный и обновленный мир, во всей его красоте и разнообразии, будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростию.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на земле. Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима

на небесах. «Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!» («Премудрость и благодать Божия» — Голубинский).

Х. Христианское отношение к смерти

При виде близкого существа, лежащего в гробу, многие приходят в отчаяние, смотрят на смерть, как на разлуку вечную, и вместо того, чтобы всеми силами помочь дорогому усопшему в его новой жизни, предаются безумной скорби и плачу. Но ведь смерть не есть уничтожение, *душа продолжает жить за гробом*, в том мире, в который, быть может, сейчас пойдём и мы...

Послушайте, как смотрит на смерть человек, духовным опытом познавший, до чего близко слиты тот мир и наш; человек этот сравнительно еще недавно жил среди нас. Это была личность, выдающаяся по уму и образованию; он с любовью изучал природу, изучал как звездное небо, так и анатомию; много путешествовал за границей, был и в Палестине, обладал знанием многих иностранных языков. В расцвете сил и деятельности он покинул мир и 28 лет провел в затворе, но его уединение было только кажущееся, и покой его не был бездеятельность, а напротив — полон великого труда. У него была огромная семья его духовных детей; хотя он не видел их в лицо, как и они его, но вел деятельную с ними переписку, и только одни его письма составили 8 книг. Ведя в затворе молитвенно-созерцательную жизнь, он в то же время непрерывно трудился во славу Божию и оставил нам в наследие неоценимое сокровище — свои творения, которых насчитывается много томов. Последние одиннадцать лет своей жизни он ежедневно причащался, сам служа Божественную Литургию. Мы говорим о епископе Феофане, затворнике Вышенском, имя которого, к сожалению, чуждо слуху многих.

Вот письмо этого праведника, пишущего к своей умирающей сестре: «Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоём исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в иной мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы и попроси попечись о нас. Тебя окружают

твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел Хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить — кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает. Изглаждены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее восставь в себе и пребудь с нею неразлучно. Даруй же тебе, Господи, мирный исход! День-другой, и мы с тобою. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой!»

Как трогательно это письмо брата к умирающей сестре! Каким спокойствием, какою крепкой верой, живой уверенностью в будущую блаженную жизнь дышит оно! Будто он провожает сестру в недалний путь-дорогу; путь этот не в неведомую страну; он ведет в дом Отчий, где ждут нас наши близкие, прежде нас туда Богом позванные. Он посылает всем им поклон и привет, просит их молитвенного попечения о себе. А любимой сестре желает мирного, доброго пути — христианской непостыдной кончины.

Вот как христианин смотрит на смерть. Вот как он провожает и дорогих сердцу в загробный мир. Не слышатся ли в его словах победные слова: «смерть, где твое жало? ад, где твоя победа?»

А вот послушайте, что он пишет к скорбному мужу умирающей сестры:

«Я всегда молился и молюсь, чтобы Господь дал сестре пожить, пока последние дети станут на ноги. Но, судя по тому, что вы мне сказали, теперь уже надо молиться о мирной кончине. Что же делать? Что судил Бог, тому надо покориться. Что умирает — ничего необыкновенного нет. Вслед за ней и мы пойдем той же дорогой. Это — общий всех путь. Но все же смерть поражает всех, и ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли.

Вы останетесь доканчивать воспитание и устройство детей, а она отойдет, и там что нужно и можно приготовит для встречи вас. Будьте мужем силы. Скрепите силы и мужайтесь. Ведь сестра-то сама не умрет: тело умирает, а личность умирающей остается. Переходит лишь в другие порядки жизни. Вот и вы, пока она отойдет, — в тот же

мир переходите со вниманием. В теле, лежащем под образами и потом выносимом, — ее нет. И в могилу не ее прячут. Она в другом месте. Так же жива, как и теперь. В первые часы и дни будет около вас. И только не проговорит, да и увидеть ее нельзя, но она — тут. Вникните в это. Мы, остающиеся, плачем об отошедших, а им сразу легче: то состояние отрадно. Те, которые обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жилищем. То же самое будет чувствовать и сестра. Ей так лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится. Я всегда был такого мнения, что по умершим не траур надо одевать, а праздничные наряды. Ну, останкам почившего надо отдать некий почет, что совершенно справедливо, но зачем у нас к этому телу обращаются, как к живому лицу, — удивляться надо. У Господа нет мертвых, у Него все живы. А мы, насмотревшись на тело, — синеватое, глаза впали и т. д., — именно это изображение запечатлеваем, и этот-то обман и раздирает сердце. Потом придет в голову мысль: сырая могила... мрачная... увы!.. бедный, несчастный наш умерший! А на самом-то деле: он в светлом месте, в состоянии, полном отрады, свободный от всех связанностей... прелесть, как ему хорошо. И все так же жив, как был вчера, накануне смерти! Только ему было хуже, а теперь лучше. Что его не видно, это не потеря, он бывает тут. Отошедшие быстродвижны, как мысль, они еще ближе становятся нам, чем были здесь, ибо здесь мы часто отделены от любимых пространством, а невидимое бытие сокращает разделение, так что вспомни лишь об умершем (только сердечной, живой памятью) — он тут и есть,

У отошедших скоро начинается и подвиг перехода через мытарства. Тут нужна сестре помощь. Думайте об этом, и вы услышите вопль: помощи! Вот на что надлежит нам устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самый действительный показатель любви вашей к усопшей будет то, если вы с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжение шести недель, да и далее. В сказании Феодоры — мешок, из которого ангелы брали, чтобы отделяться от злых духов, были молитвы ее старца. То же будут и ваши молитвы. Не, забудьте так сделать — вот и любовь! Поскорее и меня известите... и я тоже

начну, и дети пусть так делают... А слишком горевать и убиваться — мало имеет смысла».

А вот еще письмо того же подвижника к матери, схоронившей свою дочь и искавшей у него утешения:

«Милость Божия да будет с вами! Плачьте, плачьте! В этом нет ничего неестественного и укоризненного. Диво было бы, если бы мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, а умерло тело; а она жива и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, когда ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если бы вы могли поговорить с ней лицом к лицу и попросили ее опять войти в тело, — она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с ней в такое разногласие, какая уже тут будет любовь? Нельзя не пожалеть, что вам не пришлось лишний раз взглянуть в очи ее, последнее дать ей объятие материнской любви... Ну, вот и поплачьте. Только все немножко. Телесные очи ее закрылись, а душевными она смотрит; смотрите и вы на нее душой своею. Не воображайте ее в могиле. Ее там нет, там тело ее, а она вне, и теперь, может быть, около вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: “мамочка! не тужи и не убивайся! Я с тобою, и мне очень хорошо! Отвечайте же и вы ей: “ну, слава Богу, что тебе лучше!”. Объятия ее застыли, не прострутсЯ более, но она собою, как душа, может обнять вашу душу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойно, немятущеюся, теплою памятью о ней... Вот и все. Благослови вас, Господи, и утеши!»

Каким благодатным миром веет от этих строк! Но что же значит, что сердце наше часто болезненно сжимается при мысли о смерти и из груди вылетает невольный вздох: а все же страшно умирать!.. Дело понятное: ведь все утешения относятся только к умирающим «о Господе», а «о Господе» умирает только тот, кто здесь живет для Господа по заповедям Господним.

XI. О смерти детей

И все же смерть детей переживается нами гораздо острее, чем смерть взрослых. Некоторые родители при смерти детей начинают в бессилии грозить небу, иногда даже отходят от Бога и Церкви; другие не доходят до этого, но дерзко вопрошают Вседержителя — почему, на каком основании Он отнял у них величайшее сокровище? и так долго остаются с незатихающим ропотом на Создателя. Третьи — более смиренно вопрошают о том же и, хотя не ропщут, но остаются в недоумении о причине столь тяжкого горя.

И всего менее тех людей, которые, веря в Божью любовь ко всякому человеку, а особенно к детям (помня слова Спасителя: «оставите детей приходите ко Мне, таковых бо есть Царствие Божие» — Мф.19:14), веря, что Бог все творит только для нашего блага, со смирением покоряются воле Божией и Ему лишь изливают свою естественную тоску по умершим чадам, у Него Одного лишь ища утешения. А между тем, Господь ведь не жесткосердный палач или судья. Если Он решает призвать человека в детском или юношеском возрасте, то на это у Него, значит, есть веские причины. Богу видно то, чего мы не можем ни видеть, ни даже предчувствовать. Бывает и теперь очень часто, что при всех добрых качествах юного существа, однако же, оно уже получило какую-нибудь еще невидимую дурную наследственность, которая грозит со временем развиться и заглушить доброе семя Царства Божия в душе этого будущего человека; или Бог предвидит, что добрая душа отрока или отроковицы не выдержит предстоящих искушений и погибнет в пучине греха, или что родители своею жизнью и взглядами могут оказать растлевающее влияние на детей; и — вот, во всех этих случаях, — (не исчерпывающих, конечно, всех поводов для трагического вмешательства Божьего Промысла в жизнь детей) — Бог призывает к Себе «душу младую».

В одной высокопоставленной семье в Петербурге умирал единственный сын, мальчик лет четырех. Положение было таково, что врачи, окружавшие постель больного, объявили его совершенно безнадежным, даже заранее определили час смерти... В эту ужасную ночь мать стала молиться одною из тех молитв, когда от Бога требуют чего-нибудь, как от наемника, когда не только умышленно забывают, но намеренно вычеркивают чувство смирения пред Божией волей.

Молитва была услышана. Мальчик остался жив. Но дальнейшие обстоятельства показали, что было бы лучше, если бы мать смирилась и отдала Богу своего ребенка добровольно, когда Он его к Себе призывал. Болезнь отозвалась на мозгу мальчика, и он не мог поэтому получить даже скромного систематического образования, а материнское баловство еще усилило его лень. Из него, как говорится, ничего не вышло. Дабы приставить его к какому-либо делу, его поселили в одном из родительских имений, чтобы там он не мог натворить еще больших бед. Но, увы! там он сошелся с одной из девиц, бывшей горничной своей матери, безобразной женщиной лет на 15 старше его, и на ней женился. Какой удар для самолюбия матери, блиставшей в свете и происходившей из громкой титулованной фамилии! Рябая жена приучила его пить, и немного за 30 лет, никому не нужный, он скончался от болезни почек, приобретенной путем алкоголизма, без ведома матери, которая тогда его вымаливала.

Можно также вспомнить о матери в одном из рассказов Л.Н. Толстого, «Легенда о матери». Эта мать, в ночь после смерти маленького сына, которого она отбивала от болезни, ради которого она потрясала небо своими молитвами, — засыпает в чувстве жестокого ропота на Бога и видит сон... Видит она отдельный кабинет ресторана, остатки роскошного ужина, бесстыдно разодетых женщин и среди них — ожиревшего человека с тусклым взором, с еле заметными следами человеческих мыслей и чувств. И в этом человеке она с ужасом узнает только что умершего своего ребенка...

А вот и другой случай из не столь далекого времени. У госпожи Рылеевой заболел трехлетний сын очень опасной формой дифтерита. Врачи отказались лечить его, находя смерть неизбежною. Любящая мать в страшном горе склоняется пред иконою, висевшей у кровати малютки, и, в пламенной молитве изнемогши, впадает в забытие. Ей является Мать Божия и говорит: «не проси выздоровления малютке, ему лучше будет, если он умрет сейчас». Это Пречистая повторила дважды. Но мать продолжала умолять Пресвятую Богородицу и во сне. Тогда Богоматерь вещает ей: «смотри, что будет с твоим сыном, если он останется жив» и показывает ей его будущее. Мать вскрикнула от ужаса, ибо увидела... виселицу, но все же

продолжала умолять о выздоровлении сына. Богоматерь удалилась; мать проснулась и увидела ребенка румяным и улыбающимся. Нарыв в горле прорвался, опасность миновала, малютка остался жить. Доктора тогда сочли этот случай чудом. Прошли годы. Сын Рылеевой вырос, развился, стал умным и красивым юношей, но увлекся впоследствии революционными идеями, участвовал в заговоре декабристов и кончил свою жизнь... на виселице.

Еще весьма назидательный пример. В 1919 г., во время гражданской войны, при занятии добровольцами одного из больших городов Малороссии, гвардейский отряд был распределен по всем свободным помещениям. Автору этих строк пришлось остановиться в квартире одной вдовы, только что перед этим потерявшей своего единственного сына, мальчика лет двенадцати. Она была дочерью революционера-террориста, неверующая, и единственным напоминанием о Боге был «случайно» (как она выразилась) оставшийся в ее квартире небольшой образок Спасителя, благословение прародителей.

Разговорившись вечером того же дня за стаканом холодного морковного чая, автор выразил удивление, что мать спокойно переносит свою недавнюю тяжкую потерю. Тогда она поведала ему следующее:

«Сын был у меня замечательным ребенком, необыкновенно способным и привлекательным; естественно, что я на нем сосредоточила всю свою любовь. До его смерти я никогда о вопросах веры или вечности не думала.

Вдруг мой мальчик заболел и, несмотря на усилия врачей, стал быстро угасать; я как-то в один из этих страшных дней подошла к нему, прильнула к его руке и почувствовала, что она холодеет... я поняла сразу инстинктивно, что он умирает. В эту минуту, в душевной муке, мой взор невольно обратился к тому маленькому образку Спасителя, который висел над изголовьем больного, — и в этот же момент я почему-то вспомнила о старце-прозорливце иеромонахе В., который жил в монастыре на краю нашего города и был велик в своих молитвах. Мое отчаяние было таково, что я тут же оставила ребенка и отправилась к нему. В монастыре мне сказали, что старец совершает проскомидию. Он вышел из алтаря, я бросилась

к нему и воскликнула: “Я знаю, что ты один лишь можешь спасти моего ребенка, ты один лишь можешь его вымолить, мой ребенок при смерти...”.

Старец спокойно ответил: “Я могу его вымолить. Но возьмешь ли ты на себя все те грехи, которые совершит твой сын потом? а вдруг он станет разбойником или душегубцем?”.

Эти немногие слова меня поразили; они мгновенно открыли для меня то, о чем я никогда раньше не думала: тайну ответственности родителей за ребенка и взаимную ответственность членов всего рода. Словом, сразу открылась мне целая бездна.

Молча постояли мы несколько минут, как бы испытывая друг друга... Старец ушел в алтарь, а я вернулась домой, где застала своего мальчика уже мертвым...

Эта смерть самого дорогого для меня существа раскрыла для меня двери вечности. Вот почему я так спокойна. Я обрела мир в Боге; я поняла Его милосердие!»

Это воззрение матери на смерть родного сына ведь так согласно с пониманием нашего простонародья, которое в былое время часто удивляло менее христиански настроенных интеллигентов. Когда крестьянка или крестьянин хоронили своего ребенка, интеллигенты смущались их сравнительно полным спокойствием и невольно спрашивали: «Что же ты не плачешь? Разве тебе не жаль ребенка?» А они отвечали: «О чем плакать? он был чистый; ведь не успел нагрешить, а в нем мы имеем нового, своего и родного молитвенника...».

Разве древние жития святых не поучают нас о том же? После мученической смерти св. Уара одна благочестивая женщина, именем Клеопатра, построила в его честь церковь. В день перенесения тела мученика мать молилась, чтобы святой устроил счастье и благополучие ее 12-летнего сына, которого она хотела послать на царскую службу. В этот же день отрок заболел и к вечеру скончался. Два дня мать в горестных слезах припадала к гробу мученика, упрекая его, что, несмотря на все ее труды и просьбы, он обманул ее чаяния и отнял своими молитвами ее единственного сына. В третью ночь св. Уар предстал пред Клеопатрой, держа за руку умершего

отрока: «Зачем ты упрекаешь меня, о, женщина? — сказал он. — Разве я мог забыть твои благодеяния? ты хотела устроить сына на службу к земному царю, а я взял его в небесные воинства, где он со всеми Ангелами предстоит Вечному Царю!» И отрок сказал своей матери: «Зачем ты хочешь взять меня из Небесного Царствия в земное убожество?» Тогда Клеопатра, увидав своего сына в небесной славе, сказала: «Возьмите и меня с собой!» Через год эта просьба была исполнена, и она соединилась с сыном в горних обителях.

Вот несколько образцов вмешательства неразумной воли человеческой в суд Божественного Промысла. Как часто, при смерти детей, слышны вздохи: «Как жалко! ведь он еще жизни не видел, не узнал счастья!» О, немудрые пророки! ведь умерший только теперь-то узнал вечное, нескончаемое, неизменяемое счастье!

В этих вздохах столь же духовного неразумия и невежества, думающего, что смысл жизни лишь в земных радостях, в земном существовании, — сколько и простого эгоизма! Нередко родители плачут и вымаливают у Бога для ребенка жизни не потому, что они желают добра ребенку (откуда они знают, что постигнет ребенка в жизни?!), а лишь повинаясь родительскому инстинкту, не хотящему примириться с потерей дитяти; они жалеют себя, а не думают о ребенке.

Нет, отцы и матери, настоящие и будущие! Если слишком тяжела для вас потеря любимого ребенка, то просите у Бога, и просите дерзновенно, жизни для него, но просите — глубоким сердечным призывом: «Да будет воля Твоя, Господи! И не как я хочу, а как Ты хочешь!» Если молитва ваша не будет исполнена и Бог все же призовет ваше чадо в Свое Царство мира, радости и света, — то не следует произносить дерзновенных слов ропота и возмущения, ибо все это бесполезно и принесет лишь страшный вред вам лично, а усопшему чаду — доставит весьма горькие переживания. Подумайте лишь о том, что ваша гордость, может быть, и является причиной того, что Господь отнял у вас ребенка, так как Он совершает это иногда для того, чтобы дитя не заразилось этой страшной болезнью воли, которая низвергнула даже первоангела — Денницу с высоты Богопознания в вечный мрак богозабвения.

Св. Церковь, своим многовековым опытом, предлагает великое

утешение в самом чине отпевания младенцев, основываясь исключительно на словах Спасителя: «оставите детей приходить ко Мне, таковых бо есть Царствие Божие» (Мф. 19:14), и на понимании Ее высоких и духоносных светильников в лице святых мучеников, святителей, пастырей и учителей, составивших этот особый умильнейший чин младенческого погребения. В своих песнопениях Она называет усопшего младенца — блаженным, которого Господь, «по неложному Своему обещанию», сподобил Царства Небесного; называет его непорочным, который «водворяется в дивных небесных чертогах» (Канон при Чине Погребения Младенцев).

Св. Церковь вложила в уста усопшего дитяти призыв и такие сильные слова утешения родителям и взрослым, говоря: «о мне не рыдайте, потому что я ничего не начал делать достойного плача».

Трогательный образ Богомладенца, лежащего в яслях, припоминается и в ту тяжкую минуту, когда дитя полагается во гроб; здесь также мы слышим голос Самого Христа: «аще не будете как дети, не внидете в Царство Божие» (Мф. 18:3). И еще говорит умершее дитя: «зачем вы оплакиваете меня умершего? я не в таком печальном состоянии, потому что младенцам ведь определена радость всех праведных»...

И какими чудными образами Св. Церковь, как цветами, украшает юнейший гроб! «Из матерних объятий, как птенец, ты отлетел и к Создателю всех внезапно отошел... ты как корабль, не имеющий следа, скрылся от глаз...»

Нельзя не обратить внимания на то, что общеморальный закон жизни требует, чтобы самый невинный и самый чистый страдал больше всех и... за всех. Таков христианский смысл понимания жизни, осуществление которого мы видим в лице Самого Христа. За грехи отцов, за тяжкие грехи кого-нибудь в роде или — при общем моральном падении — даже за грехи целого народа и человечества — расплачиваются дети; они заглаждают или искупают все грехи и преступления семьи и рода. В страшных войнах мирового масштаба жертвенный, несомненно, характер имеют не могилы воинов, вооруженных по последнему слову техники, — но маленькие холмики могил тех детей безоружных, которые убиты в этой же бойне и этой

же техникой — при разрушении городов орудиями и авионами. Это — высшая искупительная жертва за грехи взрослых, которые ответственны за грех и зло войны. Невинные стоны и слезы детей — всегда служат величайшим укором и должны доставлять страшное страдание тем, кто несет на себе ответственность всякой войны.

При Рождестве Христовом первыми мучениками за Него, за свет, который Он принес миру, — были 14 000 Вифлеемских младенцев. Безоблачный восход Небесного Светила на первый взгляд как будто бы омрачен кровью этих непорочных страдальцев. И невольно возникает вопрос: почему Господь попустил такое жестокое убийство стольких младенцев, которые могли бы впоследствии стать хорошими людьми и полезными сынами для родного своего народа? Конечно, если бы наша земная жизнь была исключительным назначением человека, — то такое недоумение имело бы основание; но ведь жизнь христианской души простирается дальше гроба. А потому — блаженны те Вифлеемские и вообще дети-мученики, ибо за краткое свое страдание здесь, на земле, Христос увенчал и увенчивает их Сам — неувядаемым и славным венцом в вечном Царствии Своем.

Положим, остались бы эти дети живы, — кто знает, быть может, многие из них стали бы в ряды гонителей Господа (как это и ныне часто бывает, в особенности в Советской России), и из их же уст слышались бы страшные слова: «распни, распни Его!»... Не лучше ли рассудил Господь, сотворив их наследниками того Отечества Небесного, которое ведь составляет цель и желание каждого из нас, недостойных?..

Ироды всегда ищут, на ком бы можно было больше всего их злому сердцу выразить самую отчаянную форму борьбы против света и добра, и они не понимают, что каждый из убитых или почивших детей является тем новым светом, который усиливает, а не ослабляет торжество добра; и всякое моральное безобразие греха и жестокости еще ярче и больше обрисовывается у гроба, именно, каждого младенца.

А не встречаем ли мы ныне и так часто то, что детский гробик не только впервые открывает тайну жизни и смерти родителям, которые до тех пор не задумывались над вековыми вопросами жизни, но и примиряет их, доселе чуждых небу, — с Церковью, а с Нею приводит

их к вечности?

XII. О поминовении усопших молитвенном (личном и церковном) и добротворении

Наша светлая, радостная вера говорит нам, что придет то время, когда мы увидимся с нашими дорогими умершими и будем жить вместе, неразлучно, вечно. Вот как один из служителей Божиих, известный протоиерей Родион Путятин, говорит об этом: «Связанных союзом любви не разлучит Бог, Который есть беспредельная любовь. Слово Божие ничему нас так не учит, как взаимной любви, вечной любви учит нас. Почему же ты думаешь, что, научая здесь нас любить друг друга, Бог будет по смерти отлучать нас от этой любви? Неужели же, соединяя нас здесь узами родства и дружбы, сближая нас мыслями и пожеланиями, Бог будет по смерти разлучать, отделять друг от друга, разрывать всякие наши узы?»

Да, это неестественно, это вовсе несвойственно нашему Богу, Который есть любовь беспредельная. Да, кого мы здесь, на земле, любим, с кем мы делим здесь радости, с теми и там будем радоваться. Родные еще роднее тогда будут нам; близкие к сердцу будут еще ближе, любовь наша взаимная будет еще крепче. А зная эту истину, с каким усердием, с какою готовностью мы должны поминать наших умерших. Может быть, твое временное поминовение избавит их от вечных мук. И с какою благодарностью вспомнят они нас там! Но не все христиане в одинаковой степени молятся о своих умерших: одни молятся истинной молитвой, а другие молятся только на словах, а сердце их далече, поэтому не все молящиеся об умерших получают просимое, так же и не все умершие удостоиваются чрез чужие молитвы вечного спасения.

Вот что говорит св. Иоанн Дамаскин об избрании Богом живых для ходатайства за умерших, достойных такого ходатайства: «По смерти таких Господь возбудит их родственников, ближних и друзей, направит мысли их, привлечет сердца и преклонит души их к оказанию им помощи». Чем же мы можем увериться, что Господь услышит нашу молитву за умерших, что Он простит им грехи, что Он упокоит их со святыми?

«Если вы во время молитвы или после молитвы за умершего, —

говорит прот. Р. Путятин, — бываете покойны насчет участи умершего, если сердце ваше уверяет вас, что молитва ваша за умершего услышана, — будьте уверены, что молитва ваша действительно услышана; будьте уверены, что умерший ваш покоен там. Спокойствие ваше во время молитвы — есть признак спокойствия того, о ком молитесь. Ты скажешь: “я не имею этого спокойствия, я молюсь и сомневаюсь; я прошу об умерших и с беспокойством думаю, услышал ли Бог молитву мою; прошу об успокоении его со Святыми, но все не уверен в его спокойствии там. Что мне делать?” Скажи мне: продолжишь ли ты молиться об умершем при всей своей неуверенности в силе этой молитвы, и будешь ли, пока жив, молиться об умершем, несмотря на все твои сомнения и недоумения? Если продолжишь молиться, не перестанешь молиться, то будь уверен, что Господь молитву твою услышит. Да это одно, что ты не перестанешь молиться, что ты не отступаешь просить, — это одно довольно тебя вполне уверит, что Бог молитву твою слышит и по молитве твоей сделает. У тебя нет полной веры при молитве? Но есть постоянство, и за это постоянство Бог непременно услышит тебя. Иным Бог дает за веру: “по вере вашей будет вам”, а тебе Бог соделает по молитве твоей, за твое постоянство, за то, что ты все просишь Его. Когда Бог не хочет услышать, тогда Он и молиться не дает, тех Он не пускает с прошениями к Себе. Цари и владыки земные могут отказывать тому просителю, которому они сами позволяют являться к себе в дом с прошениями, но Бог, Отец наш Небесный, так никогда не делает; если уж Он дозволит тебе ходить в церковь молиться, если дозволяет с прошением к Себе являться, то это так, что рано ли, поздно ли, но непременно услышит твою молитву, исполнит твое прошение. Коли у тебя достает усердия молиться, то будь уверен — у Бога достанет милости помиловать».

Можно быть далеко или близко к умершему. Чем сильнее любовь к покойному, тем сильнее и наша молитва о нем, тем ближе и умерший к нам. Молитва веры до такой степени может приблизить к нам умершего, что мы сами почувствуем дыхание души его около нас. Во время молитвы преимущественно сердце сердцу весть подает.

«Об умерших молись так (прот. Иоанн Кронштадтский), как будто бы

твоя душа находилась в аду, в пламени, и ты сам мучился, чувствуй их муки своим сердцем и горячо-горячо молись об упокоении их в месте светле, где нет печали и слез. “Молитесь друг за друга”, говорит нам святое учение. На каждый день и когда лишь можешь — тверди про себя: “Господи, помилуй всех, днесь пред Тобою представших!”, ибо каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Богом; и сколь многие из них расстались с землею никому не ведомо, в грусти и тоске; никто не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется и твоя молитва за упокой... Сколь умиленно душе, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за нее молитвенник, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уж ты столь пожалел его, то кольми паче пожалеет Он, бесконечно более милостивый, чем ты, и простит его тебя ради».

В нашей Церкви, от дней св. Апостолов, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братьев, и притом при совершении важнейшего из своих божественных богослужений. Первая литургия была составлена св. Апостолом Иаковом, братом Господним, и в ней находится следующая молитва:

«Господи, Боже духов и всякия плоти, помяни православных, которых мы помянули и которых не помянули, от Авеля праведного и до сего дня; Сам упокой их в селении живых, в Царствии Твоем, в сладостях рая, в недрах Авраама, и Исаака, и Иакова, Святых Отец наших, откуда отбегла болезнь, печаль и воздыхание, где присещает свет лица Твоего и освещает всегда».

Молитва церковная есть такая всемогущая сила, которая проходит небеса, восходит к самому престолу Вседержителя, нисходит даже до бездны ада и изводит оттуда узников на свободу. Ибо она приносится Отцу Небесному во имя возлюбленного Единородного Сына Его, пред безмерно великою жертвою, принесенною Им за грехи всего мира на Кресте, пред предлежащим на престоле пречистым Телом Его, за нас ломимым во оставление грехов. Она сопутствуется и подкрепляется молитвами всех святых, наипаче же всемогущею молитвою Честнейшей Херувимов, Матери Божией.

Всякий раз, когда приносится умилоостивительная жертва Тела и Крови Сына Божия, здесь присутствует и с нами молится весь собор Ангелов и Святых Божиих. Всякий раз, когда за литургией вспоминаются усопшие братья наши, души их сподобляются предстоять здесь вместе с Ангелами и молиться о спасении своем.

С каким притрепетным желанием душа твоего сродника, быть может, ожидает, пока пойдешь ты в храм Божий поручить священнодействующему помянуть ее при великом и страшном священнодействии и сам помолишься о ней вместе со всею Церковью. Ибо таким только образом она может участвовать в приносимой умилоостивительной Жертве. Какою отрадой и утешением преисполнится она, когда, призванная во храм Божий поминовением, она предстанет здесь пред престолом Божиим с ликом ангельским, будет умолять Господа со всею Церковью о помиловании, просить о прощении грехов своих и о добром ответе на страшном суде Христовом! Какая неизъяснимая радость, восторг и блаженство обымут ее, когда и ее часть, вместе с другими, опустится во святую Чашу, погрузится в святейшую Кровь Сына Божия, с молитвою священнодействующего: «отмый, Господи, грехи поминавшихся зде, Кровию Твоею!»

«Ты веришь, что твои молитвы и приношения могут спасительно действовать на живых, но вместе с этим никак не хочешь допустить, чтобы они хотя сколько-нибудь могли быть действительны и в отношении к умершим. Почему? Потому ли только, что они умершие, а не живые? Но разве ты забыл уверение Апостола, что “умирающие о Господе переходят от смерти в живот”? Разве ты не помнишь, того, что сказал Небесный Учитель саддукеям, отвергавшим воскресение мертвых: “Разве вы никогда не читали в Писании, — сказал Он им, — что Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова не есть Бог мертвых. но Бог живых?”. Что же после этого умершие во Христе, как не отсутствующие, разделенные от нас известным пространством времени и места? А сколько примеров действия молитвы и приношений соответствующих представляет нам Св. Писание? (Хананеянка о дочери; Ап. Павел об Онисифоре; Иов о детях; принесшие друзья — о расслабленном; сотник — о слуге, и т. д.). Но, ты снова говоришь, что отсутствующие по крайней мере целы, а

умершие тлеют в земле. Как тлеют? Тлеет только тело, но не тлеет душа: “Дух возвращается к Богу, Иже даде его”, говорит Премудрый. Но это видимое тление тела не есть ли зародыш невидимого нетления? “Сеется в тлении, — говорит Апостол, — и восстанет в нетлении; сеется тело душевное, а восстает тело духовное”...

“Безумие! — взывает Апостол. — Ты еже сееши не оживет, аще не умрет”, а если оживет — это значит, что дух жизни сохраняется в самом тлении. Почему же ты умерших почитаешь как бы вовсе несуществующими? Не видишь ли, как далеко завлекло тебя неверие? Думая отвергать только пользу поминовения усопших, ты вместе отвергаешь бессмертие души и воскресение мертвых. Если местные живы для Бога, то живы и для тебя; а если живы, то почему же отказываешь им в той благодетельной помощи, в которой никогда прежде не отказывал им, когда они были с тобою и своею любовью, своим попечением, своими услугами — непрестанно напоминали тебе о своем присутствии и бытии. Теперь ты их не видишь, не слышишь, не лобызаешь, не принимаешь угождений их, не чувствуешь соприкосновений их — неужели только от того они сделались менее любезны для тебя? Неужели твоя любовь была подобна огню, который погасает тотчас, как отнимают вещество, питавшее его? Нет, не так любил Господь Своего друга Лазаря, ибо Лазарь был для Него другом и во гробе. Спаситель со слезами молился за Своего друга и в то время, когда тело его испускало уже из себя зловонный запах, и молитва Его вызывает к жизни умершего. Не будьте же жестокосерды и забывчивы и вы к умершим вашим братьям, сродникам и знаемым по плоти, и оросите прахи их не столько слезами сожаления и безутешной скорби, сколько елеем молитв и приношений, да воздвигнет их Господь “в день оный” к блаженству нескончаемому и радости непрестающей чрез вас и с вами во веки». (Пояснение Божеств. Литургии. Митр. Арсений Киевский)

Вот бесценная услуга, вот незаменимая ничем помощь, которую можешь оказывать умершим сродникам своим каждый день, если захочешь быть внимательным и сострадательным к их загробной участи. Хотите ли принести что-либо в дар умершим сродникам вашим? — пошлите им туда чрез руки нищих и страждущих, сотворите _ по силе своей милостыню во имя их, и будьте уверены,

что дар ваш дойдет по назначению, а порукою в том — Сам Господь наш Иисус Христос: «понеже сотвористе единому от братьев Моих сих меньших, — говорит Он, — Мне сотвористе». А Он ли, Всемогущий, может оставаться у нас в долгу, хотя на малое время? Он ли, Премилосердный и Всещедрый, не воздаст сторицею душам отшедших от нас за всякое благодеяние во имя их? Он ли, Сладчайший Утешитель всех скорбящих, не найдет, чем утешить души усопших братьев наших, если мы утешим во имя Его хоть одну душу страждущую на земле?

Может быть, духовная алчба и жажда правды Божией снедает душу брата твоего и сродника. Напитай же во имя Его алчущего, напой жаждущего, и Господь насытит ее явлением ей пресветлого для самих ангелов Лица Своего и напоит ее от источника благодати Животворящего Духа Святого. Быть может, обнаженная добрых дел и окалянная нечистотами греховными, душа сродника твоего стыдится пред святыми ангелами, укрывается от Лица Божия? Одень во имя ее нагого, омой ноги утомленному путнику, укрой и упокой пришельца, и Господь Милосердный облечет ее одеждою заслуг Своих и омоет нечистоту ее Своею Кровью.

Быть может, преследуемая и гонимая духами злобы, душа брата твоего ищет покрова и защиты, но не обретает их за недостойнство свое? Защити во имя ее гонимого от гонящего, прими и упокой бесприютного сироту или бедствующую вдовицу, и Господь прострет над душою брата твоего покров милосердия Своего, и духи злобы удалятся от нее со страхом, а святые ангелы оградят ее покровом крыл своих.

Быть может, связанная, как узами, пленицами греховными, душа друга твоего томится в невидении Лица Божия, пребывает во тьме и мраке, далеко от светлого лика праведников? Посети во имя ее заключенных в темнице узников, облегчи сердца их состраданием, утешь их возможною для тебя помощью, и Господь пошлет светлых ангелов Своих утешить ее в скорби, обрадовать ее обетованием милости Своей.

Быть может, переселившаяся в духовный мир, не переносясь в него прежде богомысленным размышлением, не приучив своего вкуса к его духовным наслаждениям, не сблизившись молитвенно с его

святыми обитателями, — душа брата твоего или сродника явилась в него, как в страну чуждую, не находя себе сродников в этом Небесном Иерусалиме? Укрой во имя ее странника, прими и упокой не имущего где главу поклонити, и Господь дарует ей одну из светлых обителей в доме Отца Небесного, и все ангелы и души праведников примут ее в свое светоносное общество.

Хотите ли когда беседовать с умершими вашими?.. Беседуйте с ними посредством Слова Божия. Это такое всемогущее слово, которого слушает и которому повинуются все, что на небесах и на земли, и под землю, которое слышат и сущие во гробех. Это такое владычественное и царственное слово, которого страшатся и трепещут духи злобы, которому внимают с благоговением св. Ангелы, которые понимают самые бессловесные твари, тем паче услышат и с радостью примут души усопших в вере.

Души умерших, уединенные от мира видимого, удаленные от суеты житейской, жаждут сего слова, как манны небесной. Посещая кладбище, воспойте священные песни Давидовы, разные другие молитвы — это доставит усопшим несказанное удовольствие и отраду, или же прочтите с молитвенным воспоминанием об умерших Св. Евангелие, — вы обрадуете их более, нежели радует нас самая приятная весть о неожиданном счастье. Такая небесная беседа с умершими и для нас, живущих, есть лучшее утешение в мире: она оживляет сердце, возвышает душу, просветляет разум, приводит весь дух наш в восторг небесный. О! насколько мы были бы чище, возвышеннее и совершеннее и сердцем, и душою, если бы чаще беседовали таким образом с умершими братьями нашими! Какое отрадное и для них, и для себя свидание с ними мы приготовили бы себе на случай собственной смерти! «Вот что мы можем сделать умершим сродникам нашим, — говорит Святитель Димитрий Херсонский. — Пребудем в истинной любви к ним, да обрящем и мы духовную помощь в час смерти своей, а по смерти вспомнят и они нас любовью там, как мы с любовью поминаем их здесь; да встретят и они нас с веселием и радостью там, как мы со слезною молитвою проводили отселе...» СТОП

Св. Иоанн Златоуст пишет: «Не напрасно узаконено Апостолами творить пред Страшными Тайнами поминовение об усопших:

Апостолы знали, что велика бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Не напрасны бывают моления, не напрасна милостыня: все это установил Дух Святой, желая, чтобы мы получали пользу друг от друга, ибо благотворения живых в память усопших *спасают тех и других*. Если усопший грешен, то мы своей любовной заботой много можем ему помочь, из места мрака и скорби перевести его в светлый мир безграничного счастья, а если усопший праведен, то сам он, находясь пред престолом Божиим, ответит на нашу любовь горячей молитвой о нашей душе, находящейся еще в земной жизни». «Перешедшие за гроб, как праведник, так и грешник, после частного суда, не получают еще окончательного воздаяния, которое еще предназначается получить *полному* человеку, т. е. по соединении души с телом, что произойдет в момент воскресения тел человеческих. Неверующие говорят: “как это тело воскреснет, когда оно давно истлело, обратилось в прах?». Богу легче, удобнее собрать прах тела человеческого, рассеянный по лицу земли, нежели нам собрать платье наше, разбросанное по комнате, и никакие частицы наших тел, как бы они ни были рассеяны, хотя бы наши тела истлели, хотя бы мы были сожжены, — не погибают для Бога. «Они переходят в те стихии, из которых взяты рукой Вседержителя» (Августин, архиеп. Нижегород).

По учению нашей Церкви — праведники находятся в состоянии предначатия блаженства, а грешники — в состоянии предначатия мучения. Теперешний век — это промежуточное время между двумя пришествиями Христовыми, и настоящая жизнь каждого человека есть, следовательно, то время, в которое Христос пришел спасти мир, а не судить его. Время судить — впереди, то будущий век, в который последует воскресение мертвых и окончательное, последнее решение загробной участи каждого человека. Настоящая наша жизнь, несмотря на все скорби, которыми она переполняется, должна возбуждать в живущих на земле — чувство величайшей благодарности к Богу за возможность испросить прощение грехов себе и умершему; — Св. Церковь наша, которая ежедневно сама молится с приношением Бескровной Жертвы о всех православных христианах, — дает нам пример любви и памяти об усопших. Будем же молиться и мы сами о них; но чтобы молитва наша была действительна — необходимы, во-первых, благоговение, усердие и

смирение в самой молитве. Молитва наша, как за живых, так и за умерших, особенно бывает благотворна тогда, когда соединяется с приношением за них Бескровной Жертвы. Это самое сильное и действительное средство к испрошению милости Божьей.

Итак, если вы всем сердцем желаете помочь вашему усопшему и делаете все, чему учит св. Церковь, — никак не допускайте сомнения в его спасении. Знайте, что это сомнение — это хитрость злого духа, потому что, если бы умерший недостоин был спасения, то вы не допущены были бы к ходатайству за него, как свидетельствует св. Иоанн Дамаскин, что «за недостойных спасения умерших Бог на молитву за них никого не подвигает: ни родителей, ни жену, ни мужа, ни родных, ни друзей; на таких умерших сбывается пророчество: несчастны те из умерших, о которых не молятся на земле живые!»

До Страшного Суда есть время помогать друг другу и изменять загробное состояние наших отшедших. Всем усопшим, за которых приносится Бескровная Жертва, — этим самым приношением заглаждаются грехи, и усопшие получают возможность переходить в лучшее состояние. После Бескровной Жертвы могучим средством к изглаждению грехов усопшего служит *милостыня*. Св. Иоанн Златоуст говорит: «почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук». Если вы бедны — не смущайтесь, помните, что лепта бедной вдовы была в очах Спасителя дороже всех богатых вкладов.

Один праведник говорит так: «если ты идешь в церковь и у тебя денег мало, и берет тебя раздумье: дать ли нищему, или свечу поставить — то лучше дай нищему, а сам будь свечей Богу: гори *верой* и свети *любовью* ко всему Божьему миру. «Бог есть любовь», говорит любимый ученик Христа. Спаситель же Сам о Себе сказал, что Он есть *жизнь*, следовательно, жизнь есть любовь, а любовь есть жизнь. Как вечна жизнь, так вечна и любовь, — она бессмертна, «она никогда не отпадает», учит Ап. Павел. И она вместе с душою переходит за гроб, в царство любви, где без любви никто не может быть. Любовь, укрепленная и освященная верою, горит и за гробом к Источнику любви — Богу, и к ближним, оставшимся на земле. Какою нежною родительскою любовью любят умершие родители своих оставшихся на земле детей-сирот! Какою крепкою любовью любят

переселившиеся супруги оставшихся на земле вдовствующих! Какую ангельскою любовью любят переселившиеся за гроб дети своих оставшихся на земле родителей! Какой чистосердечной и нежной любовью любят отошедшие от жизни сей братья, сестры, знакомые и все истинные христиане оставшихся здесь своих сродников и друзей, с которыми соединяла их вера. Какое множество душ ожидает нас там! «Там, — говорит незабвенный Вышенский Святитель Феофан, — душу встречают все, о которых она молилась и которым она молилась в продолжение своей жизни. Как это утешительно! Как милостив Господь к нашей душе, что повелевает встречать ее тотчас же при вступлении в еще неведомую ей страну, всем, о ком она ходатайствовала и к кому она сама прибегала за помощью. Эту силу веры, эти ощущения «жизни будущего века», спокойную, радостную смерть при полном примирении с жизнью дает нашим подвижникам религия Христа, религия, перерождающая обыкновенных людей — в людей жизни, полной действительных подвигов, действительного самоотвержения. Все это дала им религия, которую они познали опытным путем чрез свой подвиг. Вот что нам говорят наши Учители Церкви: «человек пока в нерадении (т. е. не в жизни во Христе) боится часа смерти, а когда приблизится к Богу, тогда поглощается сей страх»... «Приобрети чистоту в делах твоих, чтобы озарялась душа твоя в молитве, чтобы памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём. А другой говорит: «живущий в любви пожнет жизнь от Бога, и в этом еще мире в ощущаемом здесь обоняет воздух воскресения»... Этим состоянием души, стяжавшей Духа Святого, объясняется величие перехода праведника из земного мира в мир духовный, и посмотрите, как спокойно и радостно умирает истинно верующий христианин! Чтобы понять религиозные истины, надо испытать на опыте их животворную и спасительную силу. По одному только созерцанию понять их нельзя, их нужно *пережить*, ибо они назначены для жизни.

Заключение

Беда нашей современной жизни в том, что мы, если ищем искренно религиозные истины, то стремимся понять их только разумом, тогда как они познаются только жизнью. Если мы хотим познать христианство, то должны начать жить *по-христиански*. Тогда только

мы познаем Христа. Одним разумом Его понять нельзя. А между тем наша неверующая часть общества ищет Христа только одним рассудочным путем. И немудрено, что не находит. Ведь только чистые сердцем узрят Бога. Надо очиститься, надо начать жить по-христиански, а тогда явится к нам Спаситель, как Он явился Ап. Фоме, и мы узрим Его и уверуем в Него.

Но борьба со страстями! Как она непонятна для людей мира сего, преданных служению плоти, земным кумирам! Между тем, эта борьба, внутренняя борьба человека с самим собою, со своими нравственными недостатками и слабостями, с худыми помыслами, со страстными движениями души, со сквернами сердца, с плотскими похотями и пр., — долг каждого христианина. Эта нравственная борьба — закон христианской жизни; в этой борьбе со страстями и в одолении их — весь смысл христианской жизни и вероучений, залог одухотворенного счастья человека на земле и блаженства на небесах. Все люди так страстно ищут счастья и не понимают, что это счастье не вне, а внутри нас, в очищенном от страстей сердце, в возвышенном уме, в просветленной душе, в освобожденном от плотских вожделений духе... Это счастье достается именно путем нравственной борьбы человека с самим собою — борьбы со страстями.

«Все и всегда во что-нибудь верят, но не всякая вера имеет нравственное значение и может служить основанием для дела Божия; если я верю только в то, что мне приятно или хочется верить, то такая вера, не выражающая собой самоотречения, не имеет нравственного достоинства, — говорит Вл. Соловьев, — она не упраздняет нашей ограниченности, а, напротив, обнаруживает и утверждает ее. Нравственное достоинство принадлежит только такой вере, предмет которой нисколько от моего произвола не зависит, никакого отношения к моим собственным вкусам и мнениям не имеет, который дан мне, и не мне лично, а мне вместе со всеми и для всех. Своими человеческими силами нам не выкрутиться из рабства у дурных сил нашей природы, не уйти из их области в Царство Божие». Раб земли не может *владеть* ею и, следовательно, не может и делать из нее основание для Царства Божия. Вот социализм иногда заявляет притязание осуществить христианскую мораль, но между

христианством и социализмом только та «маленькая» разница, что христианство требует отдавать свое, а социализм — брать чужое. Так искажается дивное христианское учение в том уме, который надеется лишь на свои силы, отказывается от помощи *свыше, от благодати*, принесенной нам Христом...

При воздействии благодатной силы от Духа Святого наша религия ставит человека на такую высоту самоотречения, в такую близость к небу, что естественному человеку, как бы он ни был одарен богато и всесторонне образован, при наличии только своих естественных сил — это недостижимо: «но невозможное человекам — возможно Богу».

Бог дает верующему, по его вере и любви, силу высшего вдохновения, недоступную никакому философу, художнику, никакому поэту. «Не мерою дает Бог духа», и не исчислить ни на каких весах количественную и качественную содержимость дарований Христова духа. «Верующий в Меня, — говорит Господь, — дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше сих сотворит». Чего же после этого еще может не доставать такому идеально вдохновенному состоянию, которое осуществимо в христианстве?

Великий «Апостол языков», неоднократно исповедавший свою естественную немощь и не забывавший никогда о своем прежнем неверии, и ведь он, всегда искренний и смиренный, в непосредственном переживании высшего благодатного озарения, настолько глубоко чувствовал в себе прилив творческих сил, что выразил это с необычайным дерзновением: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе».

Напрасно думают, что высшая цель христианства — в *аскетическом отречении* от этой жизни, нет! А в освящении и очищении этой жизни, в подъеме ее навстречу нисходящему Богу. Христианство говорит о *преобразовании* естества, о движении, вследствие этого, не вперед (внешняя культура), а *вверх*, к небу, к Богу: — «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Идеал *внутреннего* преображения, а не внешнего прогресса. За многовековое существование человечества ни один человек только своими силами, без помощи *свыше*, не мог подняться над жизнью в область духа.

Дополнение

Перенесемся мыслью в апостольские времена.

Вот, св. Павел, великий Апостол языков, в одном из знаменитейших центров язычества, перед именитейшими представителями языческой мудрости, — в Афинском Ареопаге, — проповедует избранным мудрецам Премудрость Божию, говорит об общем для всех людей Боге, о Христе воскресшем, о будущей жизни...

Каков же был результат его проповеди?

«Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в следующий раз» (Деян.17:32).

Не встречает ли и в наше время учение о воскресении мертвых и о будущей жизни такой же прием? Не служит ли оно для одних, хотя и выросших на христианской почве, но обратившихся к языческой мудрости, предметом глумления и соблазна? И не отвращаются ли от него и другие, если не умом, то сердцем развлекаемые разными «заботами века сего» (Мф.13:22), кто своим «полем», кто своей «торговлею» (22:5)?

А между тем, последняя участь человека должна служить для каждого предметом глубочайшего внимания, добросовестного научения, ибо, так или иначе, а к вопросу о последней судьбе человека сводятся почти все вопросы жизни человеческой и разрешается последний вопрос — о смысле земной жизни.

Предлагаемый очерк, конечно, далеко не соответствует достоинству и важности рассматриваемых в нем вопросов. Но он исполнит свое скромное назначение, если хотя бы несколько удовлетворит потребности ищущих христианской мудрости и находящих ее в том, чтобы, живя на земле, помышлять о небе и готовиться к жительству на небесах; и если принесет некоторое утешение скорбящим о потере родных и близких, отошедших в иной и лучший мир.

Смерть

Если бы кто-либо из жителей неба, никогда не бывавших на земле, явился на ней и обратил свое внимание на род человеческий, то — как вы думаете — что больше всего могло бы его поразить?

Мне кажется, что его прежде всего удивила бы и поразила наша ужасная смертность. В лице человека он тотчас бы узнал владыку земли, которому все подчинено и, волею или неволею, все ему служит; а в смерти он тотчас бы увидел лютого врага и тирана, которому этот владыка земли отдан в жертву наряду с последними из бессловесных. Ибо на земле не проходит ни одной секунды без того, чтобы кто-либо не умер. Почти четвертая часть людей для того только, по-видимому, и рождается, чтобы умереть, не оставив следа своего существования, разве только в растерзанном скорбью сердце родителей; для многих минута их рождения есть и минута их кончины; иные умирают, даже не выходя на свет, имея гробом утробу матери. Из остающихся жить едва третья часть достигает юношеского возраста и едва половина переходит за расцвет жизни в среднем возрасте, а доживающих до глубокой старости так же мало, как колосьев, которые ускользнули из-под серпа жателя. Никто не свободен от смерти! Войдите в полуразвалившуюся хижину — увидите гроб; на горах — смерть; на морях и реках — смерть. Всему есть времена и сроки, только не смерти. Она проходит зачастую мимо старца и похищает юношу; оставляет младенца и берет мать; один употребляет все средства, чтобы избавиться от незначительного недомогания, и все же от него умирает; другой же делает все, чтобы расстроить свое здоровье и сократить дни, и — живет Мудрец умирает, не довершив своих открытий, над которыми трудился весь свой век; полководец умирает накануне битвы, которая должна решить судьбу его отечества; возвращающийся с поля брани целым и невредимым умирает за час пути от дома; невеста или жених умирают, едва возвратившись из-под венца. Смерти нет никакого дела до чего-либо нашего человеческого: это — скелет без сердца и души, с косою и серпом. И очень часто она любит предпосылать, как своего вестника и предтечу, различные недуги и болезни. И, как бы любуясь страданиями своей жертвы, замедляет свой приход. Но она же любит поражать и внезапно, «как тать в ночи». И сколько людей не встало от ложа ночного, возлегши на него с замыслами на многие годы! Сколько уснуло за трапезой последним сном! Сколько не возвратилось в дом, выйдя из него лишь на несколько минут! Тщетно наука здравоохранения изоощряет свое искусство и свои усилия: сила смерти — все та же, и та же ее свирепость и внезапность. Врачи, как

бы в отпущение за покушение на невозможное, менее всех пользуются долголетием. Даже религия не спасает от смерти. Вот человек, который всю свою жизнь посвятил Богу, вере, добродетели и человечеству: все желали, как милости Неба, продолжения дней его. Но смерть не внимает ничему, и — праведник лежит бездыханен...

Глядя на все это, кто, вместе со св. песнописцем, не воскликнет от всей скорбной души: «Что сие еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти?»

Вопрос — горький и неизбежный. Но кто из людей в состоянии разрешить его? «Нет гласа и ответа из могилы: «несть познан возвративыйся из ада» (Архиеп. Иннокентий, архиеп. Херсонский. Слово о смерти).

«Если бы не признавать бессмертия души и вечности, то не справедливо ли было бы всю временную жизнь человека считать только непрерывною смертию, которая, наконец, рано или поздно, перевесив силу рождения, поглотила бы все человечество и всякую жизнь в мире? И было бы последним словом человека на земле его самоотрицание: «я жил и мыслил, я чувствовал и действовал: но все это — ничто, потому что я умру и буду ничто. Такое самоотрицание ставило бы нашу духовную жизнь даже ниже телесной, потому что и тело наше по смерти не уничтожается, а только разлагается и смешивается с другими элементами земли» (Иоанн, еп. Смоленский. Беседы на Успение Б. М.).

Происхождение смерти

Откуда смерть в людях? На этот чрезвычайно важный вопрос существует два противоположных ответа.

Неверующие всех времен, предоставленные руководству своего бедного разума, признают смерть естественною и неизбежною для человека по самой его природе: мы умираем потому, что такова именно была изначала и ныне есть природа человеческая.

«Случайно мы рождены и после будем, как небывшие; когда тело обратится в прах, — и дух рассеется, как жидкий воздух; и нет нам возврата от смерти» (Прем. Солом. 2:3-5). Умирая, мы отдаем неизбежную дань природе, наравне со всеми животными. Как

пожелтевший лист спадает осенью с дерева, точно так же и человек, сраженный в свою осень неумолимою косою смерти, исчезает, подобно бедному листу, бесследно и безвозвратно...

Таков взгляд на смерть неверующих: смерть — не что иное, как дань природе. К сожалению, и мы все бессознательно подтверждаем этот языческий взгляд, когда, желая сказать, что такой-то умер, говорим, что такой-то заплатил долг или отдал дань природе. Это выражение — языческое, перешедшее и в христианство.

Но — благодарение Богу милосердному, озарившему нас светом Своего Божественного откровения, «утаившему от премудрых и разумных и открывшему младенцам» (Мф.11:25) великие истины и спасительные тайны Царствия Божия. Теперь отрок и младенец знают о цели бытия человеческого и о жизни нашей за гробом больше, чем знали все языческие мудрецы. Теперь мы знаем не только начало, но, можно сказать, и конец, т. е. смерть самой смерти.

Божественное Откровение учит, что «Бог не сотворил смерти» (Прем. Солом. 1:13), «не сотворил человека для истления» (2:23) и что смерть вошла в мир завистью диавола (2:24). Следовательно, смерть есть дань не природе, а греху; она вторглась в нашу бессмертную природу случайно, из-за нашего отпадения от Источника жизни — Бога, через нарушение Его животворной заповеди. Вот единственно истинный ответ на вопрос о происхождении смерти.

Смерти как творения Бога, Существа Всесовершенного, не было и не могло быть во вселенной, в Царстве Божиим. Она — произведение не Творца, а самих тварей, следствие злоупотребления ими свободой. Тут весьма понятно каждому, что существа разумно свободныя могли употребить и произвол, и волю, и силы свои, как хотели — на добро или на зло. Могли устремиться по пути правды и жизни вечной или, пойдя по противоположному пути зла и неправды, вопреки законам Своего Творца, — отделиться от Него, встретиться с падением и, наконец, со смертью. Где и как произошло это ужасное разлучение свободных существ с Источником жизни и бессмертия, с Богом? Слово Божие говорит нам, что это ужасное превращение произошло не на земле, а на небе, у самого престола Божия, и виновником был не человек, а один из первых архангелов.

Он был ближайшим зрителем совершенств Божиих, первым восприемником света несозданного и, следовательно, блаженнейшим из сотворенных существ. Этот святоносный архангел не устоял в своем чине, не удовлетворился своим достоинством и блаженством, восстал против своего Творца, возомнил безумно, что не только может обойтись без Его благоволения, но и вступить открыто с Ним в борьбу. И архангел, с разделявшими его безумие ангелами, не устоял против Всемогущего и с неба был низринут в преисподнюю. Вот первый мертвец и первое кладбище в мире! Не имея, как духи, нашего тела, возмущившиеся ангелы не могли иметь нашей смерти; но вместе с возмущением, с отлучением через грех от Бога, они тотчас потеряли жизнь, силу и блаженство, сделались мертвыми для жизни в Боге. Как духи нетленные, они не могли потерять бытия, не могли истлеть, как тлеет наше тело; но подверглись стократ большей смерти — вечному и невозвратному отлучению от Бога, единственного Источника всякой истинной жизни.

Эта первая смерть в мире Ангельском была самой ужасной, ибо она тотчас же сделалась смертью вечною, для которой нет воскресения.

Как ни ужасна была эта смерть, но на нас она не имела никакого влияния, ибо ни рода человеческого, ни нашей земли и неба тогда еще не существовало.

Для показания же беспредельного Своего могущества и благости Творцу благоугодно было произвести мир видимый, чувственный и телесный. Во главу его сотворено было и поставлено было такое создание, которое соединяло в себе и дух, и тело, т. е. первый человек, наши прародители. По своей душе и сущности они были подобны ангелам; но эти ангелы облечены были телесностью и в этом отношении походили на прочие телесные создания нашей земли. Тело их своим видом, без сомнения, походило на наше тело; но вместе с тем оно имело такие совершенства, которых нет в нынешнем нашем теле. А главное — оно было бессмертно, заключало в себе возможность и способность не умирать, а жить вечно, чего уже нет в нашем нынешнем теле. Эта драгоценная способность зависела от разных причин, и, прежде всего, от того, что невинный человек был образом Божиим, был существенно соединен со своим Первообразом. Вечная жизнь из существа Божия непосредственно стремилась на

существо человека, наполняя его душу, а через нее и тело мощью и нетлением. Поэтому телесная природа первых людей была вне господства над нею стихий разрушительных. В природе, окружавшей человека, ничто не вредило его здоровью и силам; поэтому он, несмотря на то, что в состав его существа входило чувственное тело, и обладал способностью не умирать, а жить вечно. Но он мог и умереть. Путь к этому был лишь один — отделение от Бога, Источника жизни, и тогда человек неминуемо предоставлялся самому себе, но, не имея в самом себе источника жизни, естественно должен подвергнуться бессилию и разрушению того, что в нем разлагается, то есть всей его телесности. Итак, к разлучению с Богом путь был один — уклонение от Его воли, т. е. грех. И для того, чтобы не впасть в грех и не потерять бессмертия, человек был одарен всем необходимым вполне и с избытком.

Но, увы, в нем была свобода — дар высокий, необходимый для существа разумно-нравственного, но и опасный; ибо в силу этой свободы и человек, как прежде архангел на небе, мог из себя сделать что угодно: мог остаться в соединении с Источником жизни — Творцом своим; мог и удалиться от Него, к своей пагубе. И вот, чтобы помочь человеку скорее обнаружить свою свободу и волю и утвердиться в добре, Отеческий Промысл Божий дал ему в испытание положительную заповедь о невкушении плодов одного из райских древ. Этим самым все случаи к падению сводились в один случай, всевозможные искушения невинного человека на зло сокращались в одно, самое малое искушение, которое преодолеть было весьма нетрудно.

Дабы еще более оградить человека от злоупотребления своей свободой и от всех противных внушений, Всеблагий Творец указал даже на пагубные последствия нарушения заповеди, данной человеку, и объявил прямо, что непосредственным следствием этого будет смерть. «В онь же аще день снете от него (от плодов запрещенного древа), смертию умрете» (Быт.2:17), т. е. по силе этого выражения на славянском языке, — умрете неминуемо, подвергнетесь величайшему бедствию.

Таким образом, первые люди всевозможно и со всех сторон были ограждены Промыслом Божьим от опасности, чтобы испытание их

свободы воли прошло для них удачно и счастливо.

Вообразим теперь положение наших прародителей в Едеме, даже поставим сами себя там вместе с ними мысленно: вот перед нами запрещенное древо с его плодами, а над ним заповедь Божия с угрозой смерти.

Действительно, в Едеме пред нашим лицом была не только жизнь, — ибо ею мы пользовались, — а самое бессмертие и смерть.

Кто бы мог ожидать, что мы будем так неразумны, так, можно сказать, враждебно ненавистны к самим себе, что отвергнем и бессмертие, и жизнь, и произвольно изберем смерть? Но так именно и случилось (Иннокентий, архиеп. Херсонский. Беседы на Св. Четырдесятницу о смерти).

Кратко и просто сказание Моисеево о падении неловка. Так Св. Дух обыкновенно и изображает в Писании великия события и тайны, в каждом слове заключая неизследимую и неизмеримую глубину смысла. Священное Писание не указывает, как долго первобытная Церковь сохраняла свой мир и благоденствие в Едеме от козней диавола. И это молчание заключает в себе тайну; оно как бы дает разуметь, что мрачная эпоха падения должна изгладиться из книги бытия человеческого, тогда как память Творения и Суббота Божия будут сохраняться и совершаться во времена определенные.

Угроза и страх смерти не остановили приближения того страшного дня, которым Бог угрожал первому человеку, если он вкусит от запрещенного плода. Падший ангел позавидовал блаженству людей (Прем. Солом. 2:24), вошел в змия и соблазнил Еву нарушить заповедь Божию.

«И увидела жена, что древо хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт.3:6). И исполнилось Слово Божие: человек смертию умер. За святотатственным вкушением от запрещенного плода последовала смерть духа, отчуждение от жизни Божией (Ефес.4:18), разъединение с Тем. Кто есть жизнь всего живущего и Свет человеков (Ин.4), изгнание человека из рая, удаление от древа жизни, осуждение на труды, болезни, скорби, смерть и разрушение тела, проклятие из-за него всей твари. «Как одним человеком грех вошел в мир и грехом смерть,

так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили (Рим.5:12).

Объяснения на некоторые недоумения и возражения

История падения человека, или — что то же самое — история происхождения смерти, постоянно вызывала и вызывает со стороны одних возражения, а у других — недоумения.

Как мог, — говорят они, — восстать человек против непреложной и святой воли Всемогущего Бога и совершить такой страшный переворот в Царстве Божиим? Как мог человек, существо ничтожное перед Богом, стать во вражду со своим творцом и вместе с собою увлечь и всю тварь в бездну нестроения и зла? Почему Творец не уничтожил зла в самом его зародыше и допустил ему войти в мир? Зачем дана человеку самая возможность зла? Зачем дан случай или повод ко греху в виде «древа познания»? Зачем был допущен в рай искушитель, столь хитрый и сильный во зле? Почему были употреблены все средства, чтобы ускорить переход этой несчастной возможности в действительность: зачем открыт был человеку и случай ко греху и дан был и опытный учитель греха?

Говорят: неужели мы признали бы мудрым и добрым такого отца, который намеренно ввел бы сына в искусительно и опасное положение, в котором несчастный и погиб; а отец после этого стал бы уверять, что он вовсе не погубил своего сына, ибо только попустил зло, но не содействовал ему? Ведь сам человек не видит и не может предвидеть, чем кончится испытание, которому он подвергает другого. Если Бог от вечности предвидел, что человек не устоит в испытании, падет и низринет за собою всю тварь, то зачем же он вводил его в испытание? Какую цель могло иметь испытание, когда испытующий, несомненно, знал его гибельный конец?

Нет спора, что решение таких вопросов недоступно малому человеческому разуму, дерзкому и кичливому. Не желающий искренно и с благоговением умудриться в этих волнующих вопросах всегда найдет в писании успокоительные на них ответы, вполне доступные разумению человека в этой жизни, «в которой мы ходим верою, а не видением» (2Кор.5:7), удовлетворительные и для разума, пришедшего «в послушание веры» (Рим.14:25).

В предвечном совете Триипостасного Божества о сотворении человека Бог определяет создать человека «по образу своему и по подобию» (Быт.1:26-27).

Основной чертой образа Божия в человеческой природе является ее личность, духовность; а существенные черты духовности — самосознание и свобода.

Бог есть Дух самобытный и бесконечный; а человеческий дух сотворен и ограничен. Следовательно, между образом и Первообразом — расстояние бесконечное. Бог, как беспредельный Дух, имеет в Себе всецелую полноту всевозможных совершенств, без всякого недостатка и ограничения, а потому, как всесовершенный, Он неизменяем, всегда одинаков в Своем существе, в Своих силах и совершенствах. В Духе беспредельном и неизменяемом — и ум беспредельный, всеведение и свобода совершенная, всегда святая и благая, не могущая быть не-святою и не-благою. Поэтому Бог — всемогущ и в нравственном смысле может сотворить все, что хочет, потому что Он хочет только подобное Своей совершеннейшей природе и не может хотеть того, что ей противно. Свобода Божия — всесовершенна, неизменяема и не может ни хотеть, ни делать зла. Никакое совершенное существо, как бы оно ни было высоко и совершенно и близко к Богу, не может иметь такой всесовершенной и неизменяемой свободы. Иначе оно было бы не тварью, не образом Божиим, но существом, совершенно равным Богу.

«Малым чим, — по слову пророка, — умален человек от Ангел, венчан славою и честию» (Пс.8:5). Адам получил из рук Творца могущественные силы и великие совершенства. Ум Адама, говорит блаж. Августин, по своей силе и быстроте был настолько же выше величайшего из известных нам человеческих умов, насколько птица быстрее черепахи. Но и это сравнение представляется блаж.

Августину слабым и недостаточным. Высок был ум Адама, но не был умом совершенным и неограниченным, для которого невозможно было бы никакое дальнейшее возрастание и усовершенствование. Неограниченное совершенство принадлежит только уму Божьему.

Постепенное совершенство есть необходимый закон всякого сотворенного духа, какими бы высокими силами и совершенствами он ни обладал. Высок был ум Адамов, однако же это совершенство было

не более, как младенческое состояние, в сравнении с тем величием, которого он мог бы достигнуть. И Адаму предлежал путь развития, но путь легкий, быстрый, светлый, без тех скорбей и трудов, с которыми пролагают себе и разрабатывают себе путь знания его потомки. Ни одна нечистая мысль или желание не возмущало светлое состояние его ума. Чувственность, с которой у нас непрерывная борьба, которая так часто увлекает и поработывает наш ум и сердце, есть уже порождение греха. Внутренняя брань еще не открывалась в душе невинного человека. Свобода первозданного была свобода чистая и направленная к добру, не колеблющаяся между добром и злом, но совершенно согласная с нравственным законом, со святою волею Божиею. Творец, как Святой и Благий, не мог вложить в нее искусительного влечения ко злу (Иак.1:13), но внедрил в сущность ее закон добра, написал Свой закон в сердце человека (Рим.2:15).

Однако же эта самая свобода сделалась источным началом всего зла. Свобода твари, как бы ни была чиста и совершенна, не есть свобода неизменяемая, обладающая всею полнотою нравственного совершенства. Для ограниченной и сотворенной свободы возможна и естественная изменяемость на лучшее, постепенное возрастание и укрепление в добре, но есть в ней возможность и удаления от добра, влечение ко злу. Творец создал человеческую свободу чистою, невинною, безгрешною, вложил в нее стремление к добру; но, не разрушая свободы, не мог исторгнуть из нее возможности зла. Свобода пережила бы эту возможность и удалилась бы от нее, как пережила ее окрепшая в добре и теперь уже непреклонная ко злу свобода ангелов. Но в сотворенной свободе первоначально должна была быть возможность зла, чтобы самое укрепление ее в добре было свободно и непринужденно. Человек так был создан, наделен такими могущественными силами и совершенствами, что для него гораздо легче была добродетель, чем грех; в нем несравненно сильнее была потребность добра, чем возможность зла. Блаж. Августин различает в нравственном состоянии разумных тварей возможность не уклоняться от добра и невозможность уклоняться от добра или, иначе: возможность не грешить и невозможность грешить.

Возможность не грешить есть состояние невинности, в которое поставлен был Адам; невозможность грешить есть состояние ангельское, святых и блаженных в жизни вечной, небесной (Блаж.

Августин. О повреждении и благодати. Гл. 12).

Возможность не грешить, при постепенном укреплении в добре, перешла бы в невозможность грешить, как и было со святыми Ангелами. Некоторые духи пали по своей свободной воле, другие же по той же свободной воле устояли в добре и за это укрепление в добре удостоились получить награду — такую полноту блаженства, которая дает им уверенность совершеннейшую, что они навсегда останутся непоколебимыми в добре. Но человек поступил не по-ангельски: вместо того, чтобы возвышаться к невозможности греха, он осуществил возможность зла. Осуществление этой несчастной возможности и есть то преступление, грех, который, как говорит Апостол, человеком вошел в мир, а за ним — смерть и все зло (Рим.5:12).

Часто задают вопрос: «Зачем Бог дал человеку самую свободу — дар опасный и гибельный?»

Движимый беспредельною благостию Бог вызывает из небытия к бытию твари. Безмерная Его любовь благоволила, чтобы существовали не одни только бессознательные носители совершенств Божественных твари бездушные и неразумные, но чтобы были и сознательные носители и разумные причастники Его блаженства. Ему благоугодно было в тварях не только рабское, бессознательное служение необходимости, но и духовное служение любви. Неприступный и беспредельный, по безмерной Своей благости, Он хочет сблизиться со Своею тварью и, насколько возможно для нее, приблизить ее к Себе. И чтобы, насколько возможно, возвысить и облаженствовать Свое создание, Бог некоторых из тварей украшает и возвеличивает Своим Образом и в Нем дает им возможность к уподоблению и приближению к Себе, к блаженному соединению с Собою. Нет ничего любезнее для Творца, как видеть образ Своего высочайшего Божеского совершенства. Нет ничего выше и блаженнее для твари, как носить в себе образ Творца. Существенные черты образа Божия и, вместе, величия человеческого составляют сила ума и сила свободы. Существо разумное не может быть не свободным. Сознание себя самого самостоятельную причиной своих действий и стремлений, без действительной возможности на самом деле быть виною своих действий, — простой призрак

самообольщения. Поэтому требовать, чтобы Бог создал тварь сознательную и разумную, но не дал ей свободы, значит требовать, чтобы Бог-Истина оставил Свою тварь в постоянном самообольщении и обмане. Бог мог бы поставить человека в состояние необходимости, которой подчинены животные; но, даруя ему свободу, Он возвысил человека над всеми видимыми тварями и приблизил его к Себе, как священника и царя природы. Следовательно, роптать на Бога за дар свободы значит роптать на Него за то, что Он весьма благ и милостив к человеку: зачем Он так возвысил человека и зачем не уравнил его с животными?

«Но, — говорят нам, — если свобода есть столь высокое и существенное состояние человеческого духа,, то зачем же Творец дал ей возможность зла? Разве Он не мог создать свободу без этой губительной возможности?» Кто дерзнет утверждать, что Бог не мог создать свободы, недоступной греху и неодолимой злом? И «из камней Он может воздвигнуть чада Аврааму» (Мф.3:9). Но чем бы такая свобода отличалась от необходимости? На этот вопрос св. Василий Великий отвечает следующим рассуждением. «Говорят: почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, так что нельзя было бы согрешить, хотя бы даже и хотели? Да потому же, почему и ты не тогда признаешь слугителей исправными, когда держишь их исправными, но когда видишь, что они добровольно выполняют перед тобою свои обязанности» (Творения Св. Отец. Т. VIII). Возможность зла так необходима и естественна человеческой свободе, что и по суду разума уничтожить эту возможность в человеке значило бы то же, что пересоздать человека; точно так же, как теперь остановить в человеке возможность греха значило бы то же, что совершать над ним постоянное чудо.

Возможность зла представляется нам страшной в невинной свободе Адама потому, что мы сравниваем его возможность с нашей, которая перешла в нас почти в необходимость зла или, по крайней мере, в преобладающую склонность ко злу, в страсть греха. Не следует представлять, что возможность зла, как тень, неотлучно преследовала невинную свободу Адама и, как внутренний неумолимый искушитель, влекла его ко греху, подобно тому, как наша чувственность не дает нам покоя и жадно ищет средств и случаев ко

греху. Возможность зла в невинной свободе далеко не имела такой страшной силы. Несправедливо представляют себе, что невинная свобода носила в себе возможность зла, как плодотворное семя зла, которое точно так же, как и семя вещественное, будучи брошено в землю, уже необходимо совершает раскрытие своих возможностей, необходимо начинает свое развитие. Такая возможность есть скрытая необходимость, и вся вина за осуществление такой необходимости возможности падала бы на Того, Кто дал ее. Возможность же зла в свободе невинной — исключительная, единственная и беспримерная во всем царстве сотворенных возможностей. Как проявление свободы, возможность зла не носила в себе необходимости осуществления его, могла не переходить в действительность и навсегда остаться только возможностью, а, по истечении какого-то периода времени, исчезла бы и самая возможность греховной свободы, ибо человеческая воля укоренилась бы непоколебимо в свободном делании только добра. Такая самоопределяемая возможность зла, свободная от необходимости осуществления, не есть дело невозможное и в нынешней свободе человека. Человек имеет полную возможность греха; все условия к ее осуществлению благоприятны: готов и предмет, и средства ко греху; есть даже то, чего не было в свободе невинной: внутреннее сильное влечение ко греху. И при всем этом, человек всегда может остановить возможность греха одним лишь усилием воли — не сделать греха. Если свобода, уже нечистая и ослабевшая, может еще подавлять в себе различные греховные возможности, то она, конечно, была несомненно свободнее от греха в человеке невинном, еще чистом и безгрешном.

Еще неестественнее представлять себе состояние невинной свободы как состояние тяжелого колебания, как внутреннюю борьбу между добром и злом. Борьба — это уже состояние свободы падшей или, по крайней мере, начинающей падать. Колебание между добром и злом предполагает уже не одну простую возможность зла, но влечение ко злу, влечение, равносильное стремлению к добру, с которым оно борется. Человек, у которого сердце двоится, по словам Ап. Иакова, подобен волне морской, ветром поднимаемой и разбиваемой (Иак.1:6-8). Состояние, конечно, не райское. Несправедливо, наконец, представлять себе состояние невинной свободы равновесием между добром и злом, в котором свобода была бы одинаково доступна и

открыта тому и другому, равно подвижна и на добро, и на зло. Такое воображаемое равновесие — то же, что застой, неподвижность, недвижимое коснение, возможное только в безжизненном веществе. Адам получил из рук Творца могущественные силы ума и воли, направленные к созерцанию и деланию добра; в сердце человека был начертан закон добра, руководитель к Богу. Следовательно, для добра был дан закон, определенное требование: для зла была только возможность. Закон ума, который в падшем человеке является желанием добра, но часто бессильным и бесплодным (см. Посл. Рим. 7:14-23), в невинном состоянии человека был, конечно, стремлением светлым, сильным, беспрепятственным. Сравнивая потребность добра и возможность зла в первобытной свободе, осуществление возможности зла, и по суду разума, признают столь неожиданным и неестественным, что за эту неожиданность и неестественность называют грех Адамов неисследимую тайную тьму.

Напрасно сравнивают Бога с отцом, который, чтобы испытать сына, намеренно его вводит в искушительное и опасное состояние. Бог «не искушает никого же» (Иак.1:13). Напротив, Бог в отношении к Адаму подобен отцу, который предвидит и мудро предупреждает самую возможность искушения и всеми средствами укрепляет его и prepares к подвигу испытания. Независимо от того, что возможность зла в невинном человеке была слишком слаба в сравнении с крепкими силами ума и воли, направленными к добру, и немощна пред силою естественного закона, написанного в сердце человека, независимо от этого, Бог Сам непосредственно содействует Адаму к укреплению в добре и предохраняет его от зла — конечно, в такой мере, чтобы не стеснять его свободы.

Рай, в который был введен первозданный, многие из Отцов Церкви представляют себе не только вещественным, но и духовным. По вещественной стороне, рай был блаженным жилищем на земле; по духовной стороне, райская жизнь была состоянием особенной близости человека к Богу. При такой близости человека к Богу тем ужаснее представляется отпадение от Него. Из несомненных свидетельств Писания известно, что в раю бывали Богоявления. Бог непосредственно являлся прародителям, беседовал с ними и вводил их в свет Богопознания. Озаряя ум Адама светом Своих

непосредственных явлений и собеседований, Господь не оставил и свободы его без подкрепления всемогущею силою Своей благодати. До своего падения Адам постоянно находился под ее наитием. «Бог, — пишет блаж. Августин, — дал человеку свободную волю; Он дал ему и Свою вспомоществующую силу, без которой Адам не мог бы устоять в добре, если бы и хотел; но самое хотение добра было предоставлено его свободной воле. Следовательно, он мог бы устоять в добре, если бы хотел, ибо с ним была та вспомоществующая сила, которою он мог и без которой не мог устоять в добре. Но что он не хотел устоять, в этом его и вина. Если бы человек по своей свободной воле не отринул благодатного вспомоществования, он навсегда пребыл бы добрым; но он отринул благодать, и был отринут ею» (О повреждении и благодати. 9, 31-32).

Итак, Адам не мог оправдываться в своем грехопадении тем, чем думают оправдываться в грехах своих его потомки. Прародитель не мог жаловаться ни на тяжесть добродетели, ни на немощь Своих сил. Силы он имел могущественные, направление к добру прямое и беспрепятственное. Путь его был райский, светлый, блаженный, не затрудняемый еще внутренними греховными влечениями. Благодать осеняла его всемогущею силою. Сам Бог был его Наставником и Воспитателем. Бог сделал все, что только можно, для свободной твари, не стесняя ее свободы. Со стороны человека требовалось только лишь свободное хотение добра. Богу оставалось создать в Адаме самое это хотение, т. е. сокрушить в нем свободу или спасти человека без его хотения, против его воли, насильно. Но такое насильственное опасение или облаженствование человека недостойно и Бога, даровавшего свободу человеку, как созданному по образу Творца, недостойно и человека, как существа свободного, носящего в себе образ Божий. К чему тогда была и самая свобода?

«Но к чему, — говорят, — тогда заповедь? Зачем среди дня древо познания, искушение, случай греха? Зачем искушитель?»

Что касается древа познания, то оно было самым простым средством, которым свобода могла обнаружить принятое ею направление к добру или злу. В пустыне, при Синае, евреи, не имея из чего сделать идола, отлили его из золотых серег, взятых из ушей жен и дочерей (Исх.32). Не женские же украшения были причиною

идолопоклонства. И в раю человек, возмечтавший быть равным Богу и независимым от Него, нашел бы, наверное, иное средство, которым обнаружил бы свое отпадение от Бога, если бы и не было запрещенного дерева. Древо познания само по себе не имело никакой особенно обольстительной и искусительной силы. Рай был полон красивых плодоносных деревьев. Ева, пока не смотрела на древо познания глазами греха, не видела в его плодах какой-нибудь особенной, чрезвычайной красоты. Надо предположить, что в прародителях был совершенно детский разум, если их могла прельстить красота древесного плода.

«Но зачем же заповедь?» «Нам был вверен рай, — пишет св. Григорий Богослов, — нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу : дана не потому, что Бог не знал будущего, но потому, что Он поставил закон свободы человека; почтив свободой, Бог поставил его в рай. Дает ему и закон для управления свободой. Законом же была заповедь, какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было древо познания, насажденное в начале не злонамеренно и запрещенное не по зависти” (Твор. Св. Отцев. 6, 182, III, 240).

«Для чего было в раю древо познания?» «Для того, — отвечает св. Василий Великий, — что нужна была заповедь для испытания нашего послушания» (там же, 8, 150). Заповедь — это тот же внутренний нравственный закон, только в его приложении к частному случаю жизни. Общее же требование нравственного закона — это любовь к Богу, преданность Его воле. Но человек не иначе может выразить свою любовь и преданность Богу, как в поступках и в частных случаях своей жизни и деятельности. Заповедь, как частное определенное выражение закона, не только не затрудняла свободу на пути добра, но, напротив, как и все заповеди Божии, была светом, просвещающим очи человека (Пс.18:9).

Проникая в заповедь, данную Адаму, мы видим в ней свидетельство о великой премудрости и благости Заповедавшего. Заповедь дана о самом частном предмете, но при своей частности она проявляет в себе весь дух нравственного закона, всю сущность его требований — любовь, преданность Богу — и этим показывает человеку определенный образ для всей его деятельности; определяет

направление всей его жизни — послушание, повиновение воле Божией. В таком духе понимал заповедь блаж. Августин: «Древо — доброе, но не касайся его. Почему? Потому что Я — Господь, а ты — раб, вот вся причина» (Размышление на Пс.70).

Бог ограждает заповедь угрозой: «в онь же аще день снете от него, смертью умрете». Нравственный закон не подсказывает человеку смерти. В душе еще невинной совесть была светла и покойна. В Своей угрозе Бог открывает Адаму то, о чем еще не могла говорить ему совесть. Бог страхом лишь усиливает в человеке уважение к закону. Наконец, Бог провидит искушение, которому подвергнется человек от диавола. Любовь и преданность Богу сильны были спасти человека от искушений. Но Бог дает ему еще более сильное оружие против искушителя: страх смерти. Для той же благой цели Он дает заповедь самую легкую и удобоисполнимую: запрещение плодов только от одного дерева. Запрещенный плод не имел в себе ничего соблазнительного. И напрасно многие сетуют на древо познания: оно насаждено было с благою целью и мудрою. Заповедь, хотя и ограждена была страхом смерти, но вела не к смерти, а к жизни.

«Но, — говорят, — известное дело, что запрещение раздражает желание». «Когда чувствуем пожелание к предмету, — пишет св. Иоанн Златоуст, — и нам запрещают этот предмет, то огонь пожелания разгорается еще сильнее». Еще задолго до Златоуста царь Соломон сделал наблюдение, что ворованные воды (т. е. запрещенные удовольствия) сладки и вкусен утаенный хлеб (Притч.9:17). То же замечает и св. Апостол, что заповедь служит поводом ко греху. «Грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв» (Рим.7:8). Правда, что запрещение теперь действует на нас, как раздражение желаний. Но так ли оно действовало на чистую и безгрешную волю Адама? Да если бы и так, виновата ли в этом заповедь? «Я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай» (Рим.7:7). Заповедь, указывая человеку зло, выводит его из опасного неведения зла и предостерегает от указываемого зла. В воле человека — воспользоваться предостережением или найти в нем повод к опытному изведанию запрещенного. Свобода пала и в заповеди

нашла только повод ко греху. Виноват в этом не Дарователь свободы и не заповедь Его, а падшая свобода. «Что же скажем? — спрашивает Апостол: — неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона... Когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер, и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти. Потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его. Посему закон свят и заповедь свята и праведна и добра. Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак, но грех» (Рим.7:7, 9-13).

«В худом употреблении лекарства, — объясняет слова Апостола св. Златоуст, — виновен не врач, а больной. Бог не для того дал закон, чтобы им воспламенять похоть, а для того, чтобы угашать ее. Хотя вышло и противное, но виновен в том не закон... Что из того, что грех получил повод посредством закона? Худому человеку и доброе приказание часто служит поводом сделаться еще порочнее. Так диавол погубил Иуду, ввергнул в сребролюбие и сделал вором принадлежащего нищим. Но не вверенный ему денежный ящик был причиной его гибели, а худое расположение воли. Оно же изгнало из рая Адама и Еву, побудив их вкусить от древа. И не древо было в том виною, хотя им дан повод» (Толк. на Посл. к Римл.).

«Но с какою же, — говорят, — целью был допущен в рай искушитель, и притом столь хитрый и сильный во зле?» Рассуждая, что зло не от Бога, св. Василий Великий предвидит и разрешает этот вопрос так: «Откуда диавол, если зло не от Бога? Что скажем на это? Да то, что для ответа на этот вопрос нам достаточно того же рассуждения, что и о лукавстве человека. Ибо почему лукав он? По собственному своему произволению. Почему зол диавол? По той же причине. Диавол не создан злым: он пал гордостью и сделался искушителем и врагом человека по зависти. Отчего у него брань с нами? Оттого, что, став вместилищем всякого порока, принял на себя и болезнь зависти, и позавидовал нашей чести, ибо, будучи низринут из Ангелов, не мог равнодушно смотреть, как земнородный, чрез преуспеяние, возвышается до ангельского достоинства» (Твор. Св. Отцов, т. 8).

Бог не возбраняет диаволу искушать человека потому же, почему не возбраняет и человеку сорвать смертоносный плод с древа познания. Для этого Богу надлежало бы ограничить их свободу, даже отнять ее

у них, но «дары Божии непреложны» (Рим.9:29). Двери рая открыты искусителю, как и путь к древу человеку, потому что и искуситель, и искушаемые — существа свободные, и добро и зло должно быть делом их свободного избрания, а не физической необходимости или нравственного принуждения. Адам не ребенок, чтобы насильно отводить его от искусителя и укрывать от него опасные предметы. Дьявол является в рай не как притеснитель человека, готовый употребить против него насилие и принуждение, но как обольститель, который мог действовать хитростью, советом, внушением, т. е. теми орудиями, которые, хотя могут действовать на свободу, но не могут ее принудить, стеснить, приневолить. Бог Сам являлся Адаму, был его Наставником и Воспитателем. После этого, какой же искуситель мог быть опасен для него? Какое искушение могло пересилить его волю, кроме искушения собственной похотью, которая, действительно, зачала и родила грех? (Иак.1:14-15). Бог, по уверению Апостола, не допускает искушения, которое было бы не по силам искушаемому (1Кор.10:13).

Дьявол искушением сам начинает вражду и открывает борьбу с человеком. Бог попускает ее, но, по Своей неисследимой мудрости, нисколько не стесняя свободы врагов, направляет в дальнейшем эту борьбу к поражению и уничтожению искусителя и к торжеству и возвышению человека. В борьбе с дьяволом раскрываются нравственные силы человека, крепнет его воля к соблюдению нравственного закона, т. е. к исправлению ошибки прародителей. Зло, измышленное и введенное в мир дьяволом, не переставая быть злом, служит благим и мудрым целям Мироправителя. Никто не станет спорить, что в общем ходе судеб человеческих добро торжествует над злом. Большинство разумных тварей достигает предназначенной им цели, но прочие гибнут. «Зачем же, — говорят, — Бог создал существа, о которых Он знал, что они не устоят в добре и погибнут? Не больше ли было бы благости вовсе не давать им жизни, чем дать ее на погибель?» Подобные вопросы волновали душу одного из мужей, близких к Богу. «Лучше было не давать земли Адаму, — говорит Ездра, — или, когда уже дана, удержать его, чтобы не согрешил. Что пользы людям в настоящем веке жить в печали, а по смерти ожидать наказания? Что пользы нам, если нам обещано бессмертное время, а мы делаем смертные дела? Нам показан будет

рай, но мы не войдем в него» (3Езд.7:46-54). В данном случае необходимо припомнить слова Ап. Павла: «Ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкаго?» (Рим.9:20-21). Конечно, человек не мог бы препираться с Богом и требовать у Него отчета даже и в таком случае, если бы он, действительно, создан был на погибель. Но да пройдет мимо нас такая мрачная мысль. В приведенных словах Апостол ограничивает только необузданную пытливость человеческого разума, хотящего проникнуть в глубочайшие планы мироправителя, и научает человека смиренной преданности и покорности Богу, мудрому и благому, а вовсе не проповедует нам божество мрачное и безсердечное, подобно судьбе, которую выдумали и перед которой трепетали язычники. Бог, в Которого мы веруем и о Котором возвещает нам Откровенное Слово Его, не есть только всемогущая сила. «Если бы у нас кто опросил, — говорит св. Григорий Богослов, — что мы чувствуем и чему мы поклоняемся? то ответ готов: мы чтим Любовь. Ибо, по изречению Св. Духа, Бог наш Любы есть (1Ин.4:8), и наименование сие благоугоднее Богу всякаго другого имени» (Твор. свв. Отец, т. II). Движимый безпредельной благостью, Бог вызывает к бытию существа, Себе близкия и подобныя, сознательные и свободные, назначает целью бытия их — участие в Своем собственном блаженстве, провидит их падение, но предопределяет их спасение. В предвечном Совете Триединого Божества определено и сотворение человека, и искупление его: поэтому Спаситель наш и называется Агнцем, закланным прежде сложения мира (Апок.13:8). «Если бы для тех, — рассуждает Иоанн Дамаскин, — которые, по благодати Божией, предназначены к бытию, послужило препятствием к получению бытия то, что они, по собственному произволению, сделаются злыми, то зло победило бы благодать Божию» (Точн. изложение правосл. веры). Если провиденная Богом погибель грешников, как рассуждают некоторые, могла бы остановить творческую благодать, восхотевшую создать разумных тварей, то почему же не обратно — блаженство праведных и спасенных, также провиденное Богом, не могло подвигнуть Его к творению? И тогда как погибающие во грехах по своей злой воле, при всех средствах к спасению, дерзают роптать на

Жизнодателя и благость Его, миллионы разумных существ ликуют и славословят Творца за радость блаженного бытия. Даже по человеческим соображениям было бы неблаго и несправедливо из-за гибели немногих лишать блаженства многих. «Бог знал, — пишет св. Иоанн Златоуст, — что Адам падет, но предвидел, что от него произойдут Авель, Енос, Енох, Ной, Илия, произойдут пророки, дивные Апостолы и богоносные облака мучеников, источающие благочестие».

«Но, — скажут, — каждый дорог сам себе». — Не только себе, но и Богу. Сам Господь уверяет нас, что на небе бывает радость и об одном грешнике кающемся (Лк.15:7). И чего Бог только не сделал и не делает, чтобы грешник не погибал, покался и обратился? Но перестанем поправлять Премудрого. Перестанем доискиваться того, что было бы лучше сотворенного Им. Хотя от нас и скрыты причины частных Его действий, однако же да утвердим в душах наших следующее положение: от Благого никогда не бывает никакого зла.

Благотворная цель смерти

Смерть, будучи следствием и наказанием за грех, вместе с тем, как ни странно, является и благодеянием Божиим к грешнику. Бог, попуская ее, делает ее кончиною греха; ею же наказывает человека, ею же и милует. Смерть — благодеяние человеку уже потому только, что она изводит душу из земной суеты, освобождает от скорбей и бедствий, а главное — пресекает и оканчивает путь самого греха. «Человек подвергнулся смерти, — рассуждает св. Феофил, — но и в этом случае Бог оказал ему великое благодеяние, именно тем, что не оставил его вечно пребывать в грехе. Бог изгнал человека из рая, как бы в ссылку, чтобы он в течение известного времени очистил свой грех и, вразумленный наказанием, снова возвращен был в рай. Подобно тому, как сосуд, только что сделанный, если откроется в нем недостаток, переделывается, чтобы был новый и целый, то же бывает и с человеком в смерти, чтобы он во время воскресения был чист, праведен и бессмертен» (Твор. свв. Отец. Том III).

Так же рассуждали свв. Василий Великий. Григорий Богослов, Иоанн Златоуст. И ветхозаветные праведники под грозным видом смерти прозревали ее благодетельную силу. Поэтому они называли смерть изведением души из темницы (Пс.141:7), отпущением души (Лк.2:29)

и не только без страха вступали в долину смертной тени (Пс.22:4), но и тяжело взывали о продолжительности своего земного пришествия (Пс.119:5).

И в благодатном Царстве Христовом, когда держава смерти разрушена Крестною смертью Христа и верующие в Него искуплены от греха первородного, смерть равным образом необходима для совершенного очищения и истребления зла из природы человека, потому что корень его заключается в самом плотском зачатии и, следовательно, как бы в союзе, связывающем тело с душою; а потому это зло, т. е. грех, не иначе может быть истреблено, как только расторжением этого союза. Сколько бы ни очищал себя человек на земле и как бы ни усовершенствовался в святости, однако он не может совершенно истребить в себе самый корень греха и достигнуть такого состояния, чтобы не тяготиться телом и не вздыхать вместе с Ап. Павлом: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:24).

Смерть, наконец, извещается, как успокоение от трудов, на которые осужден возделыватель земли, суеты и греха. Св. Тайнозритель пишет: «И услышал я голос с неба, говорящий мне: отныне блаженны мертвые, умирающие о Господе. Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих» (Апок.14:13).

Послесловие

Господь наш Иисус Христос учил Своих учеников не бояться смерти телесной, а бояться того, чтобы после Страшного Суда человек не был навеки ввержен в геенну огненную: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь того, кто может душу и тело погубить в геенне» (Мф.10:28).

Сколь ни страшна на вид телесная смерть, она не вечна; она еще сама по себе не решает вечной участи человека. Как и всякое наказание, она неприятна, страшна. Но за смертью тела душа остается жить, а впоследствии будет воскрешено и тело. Значит, не надо бояться этой смерти, от которой, все равно нет спасения на земле. Но нам грозит «смерть вторая» (Апок.2:21:8), т. е. вечная гибель отпавшей от Бога души. Этого мы должны и можем избежать, если благоразумно будем эту «жизнь жительствовать», ходя в страхе

Божием, руководясь во всех делах наших заповедями Его, стараясь во всем и всегда творить волю Господню. «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. Имеющий ухо слышать, да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти» (Апок.2:10-11).

Будем победителями греха в этой жизни и, соединившись со Христом в Св. Таинствах Церкви, станем участниками вечной, блаженной жизни в Царствии Божиим.

Примечания:

1. Православное Издательство „Христианская Жизнь” 1957 год. Львж.
2. Братство преп. Сергия Радонежского.
3. «Перемещённое лицо» — от англоязычного термина «displaced person» (аббр. DP, произносится «Ди-Пи»).
4. Вышла ли эта книга - выяснить, к сожалению, не удалось.